

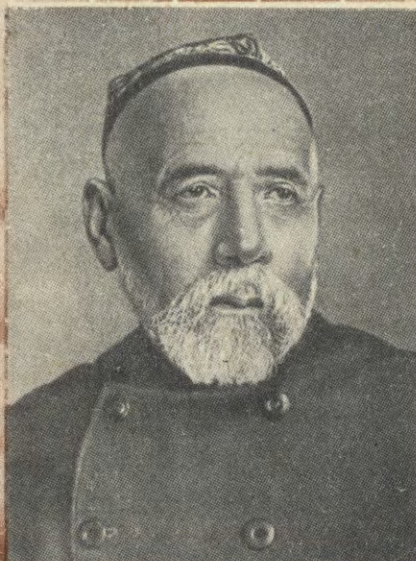
НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

6/1978

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА

М. АСИМОВ
И. Брагинский
Садриддин
Айни

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия «Литература»,
№ 6, 1978 г.
Издается ежемесячно с 1967 г.

М. АСИМОВ,

академик АН Тадж. ССР;

И. БРАГИНСКИЙ,

член-корреспондент АН Тадж. ССР

САДРИДДИН

АЙНИ

(100 лет со дня рождения)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1978

83.3 Тад
A90

Асимов М. С., Брагинский И. С.

A90 Садриддин Айни (100 лет со дня рождения). М., «Знание», 1978.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература», 6. Издается ежемесячно с 1967 г.).

В брошюре рассказывается о жизни и творчестве родоначальника таджикской советской литературы Садриддина Айни, 100-летие со дня рождения которого широко отмечается в этом году во всем мире.

70202

83.3 Тад
8

Таджикская литература своими корнями уходит в глубь веков. Более тысячи лет назад начали складываться ее богатейшие художественные традиции, которые на протяжении многих веков служили обогащению и развитию не только культур народов Востока, но и западных литератур. Известно, как высоко оценивал и внимательно изучал персидско-таджикскую классику великий Гёте. Восточные мотивы звучали в творчестве Монтескье и Гейне, Пушкина и Мицкевича, Гюго и Блока и многих других замечательных художников Европы. Заняв почетное место в сокровищнице мировой культуры, классическая литература на фарси и поныне сохраняет непреходящую общечеловеческую ценность.

Садриддин Айни (1878—1954 гг.) не только продолжил и развил традицию родной классической литературы, он вдохнул в нее новую жизнь. Своим творчеством он перекинул мост от культурного наследия прошлого к культуре нового, социалистического типа, став зачинателем принципиально новой, советской таджикской литературы, став ее «устодом».

«Устод» означает по-таджикски мастер, учитель. Есть нечто трогательное и глубоко поучительное в употреблении этого слова. Словом «устод» называют старого мастера-умельца, владеющего секретом обжига гончарных изделий, тончайшей резьбы по алебастру, виртуоза инкрустации, крашения шелковой ткани, но так называли и мастера гранения слова, духовного наставника, учителя. Устодом зовет народ основоположника классической таджикско-персидской поэзии — Рудаки, устодом называл народ и Садриддина Айни.

Почему так произошло, каково место устода Айни в таджикской и во всесоюзной многонациональной советской литературе? Чтобы ответить на этот вопрос, следует проследить шаг за шагом богатую, насыщенную дра-

матическими событиями, глубоко содержательную творческую жизнь Садриддина Айни.

Детство, отрочество и юность

С. Айни родился 15 (27) апреля 1878 года. Родина его — небольшой живописный кишлак Соктаре Гиждуванского тумения (округа) Бухарского эмирата, расположенный на берегу реки Мазранган, одного из притоков Зеравшана.

Почти сорок лет прожил С. Айни в условиях запоздалого средневековья «благородной Бухары». Для Бухарского эмирата на рубеже XIX и XX веков слово «средневековье» — не метафора, а реальная и потрясающая действительность. Подобно самой столице эмирата — городу Бухаре, отгороженному от внешнего мира крепостной стеной и окруженному рвом, и весь эмират оберегался правящими классами от малейшего дуновения свежего ветра. Царское правительство, чьими вассалами со второй половины XIX века стали бухарские сатрапы, также намеренно консервировало в Бухаре феодальный уклад.

Эмир со всей своей челядью — светской, военной и духовной — чинил суд и расправу над ни в чем не повинными людьми. Показательно, что в качестве символа власти у ворот Арка — резиденции бухарского эмира — красовалась фантастических размеров плеть.

Не только непослушание, но часто и сама попытка быть самостоятельно мыслящим человеком карались здесь, по прихоти эмира, жестоко и мучительно. Таких людей заковывали в колодки, бросали в тюрьмы (зинданы) — вонючие ямы, заваленные сверху камнями, где узникам часто приходилось сидеть среди полусгнивших трупов своих предшественников. Людей казнили публично на площадях, перерезая им горло, либо сбрасывали с высокого минарета на камни.

Весь этот строй освящался многочисленной чалмоносной ордой, сеявшей невежество и страх среди верно-подданных «повелителя правоверных». Вольнолюбивая человеческая мысль была сдавлена каменным мешком кельи в медресе. Тех же, у кого мысль была слишком пытливая, замуровывали в зиндане. Каждый новый эмир словно пытался превзойти своих предшественников в

утонченной жестокости. А ведь С. Айни пришлось за сорок лет жизни в этом аду пережить не одного, а трех эмиров: Музаффара, Абдулахада и Саидалима.

Но именно здесь следует напомнить о самом существенном: в результате присоединения Туркестана к России народы Средней Азии познали не только унтер-пришибеевский сапог Романовых и произвол «господ ташкентцев». Народам раскрылась во всем благородном величии душа подлинной России, России Белинского и Чернышевского, России русских рабочих и крестьян. Судьбы народов Средней Азии соединялись во второй половине XIX века с судьбою России, что способствовало возникновению революционных настроений в эмирате. Российское революционное движение сыграло решающую роль и в жизни С. Айни.

Свое детство С. Айни провел среди людей труда — крестьян и сельских ремесленников, и это навсегда оставило неизгладимый след в его душе.

С. Айни с благодарностью вспоминает ранние уроки поэзии, которые преподавал ему отец — скромный мастер мельничных колес, отличавшийся от других трудовых дехкан своим высоким происхождением: он был сеидом и ходжой, т. е. род его шел, по преданию, от потомков пророка Мухаммеда, и принадлежал к духовной элите тогдашней Бухары. Благодаря этому он, как и все «ходжи», был грамотным и знал поэзию с детских лет.

Отец Садриддина говорил: «Поэзия не всегда и не у всех представляет собою благо. Поэзия, как и наука, — это обоюдоострый меч. Если этим мечом убивают злого человека, врага, то это благо, а если убивают ни в чем не повинного человека, то это зло, несправедливое кровопролитие, и убить следовало бы самого убийцу. Таков и стих: если он направлен на хорошее дело — он благо, но если он направлен на злое, черное дело, то что может быть хуже него!»

В «Воспоминаниях» С. Айни пишет о том, что разговоры с отцом навсегда запомнились ему: «...я невзлюбил лжеученых, кичащихся огромными чалмами на голове, и проникся презрением к лени и безделью».

В своих «Воспоминаниях» С. Айни предстает пытливым ребенком, жадно вбирающим в себя массу впечатлений от жизни. Он видел страдания и муки простых людей, но он видел и их несокрушимую жизнеспособность и трудолюбие. Муки, переносимые народом, вызы-

вали у него чувство сострадания к его нуждам, его жизненность и трудолюбие — бодрость и волю к действию ради людей. Садриддин Айни видел, что народ угнетен, мучается, но не умирает и не сдается. Это и придавало силы молодому С. Айни.

Жизнь — вот первая школа С. Айни, народ — первый учитель, а народное горе и радости — первый источник творческого вдохновения.

У народа учился С. Айни мечтать и творить, отсюда и большая роль народного поэтического творчества в литературном росте С. Айни. Не случайно сам он называет своим первым литературным учителем замечательную сказочницу Тута-пошшо.

Рассказывает С. Айни и о другом: «В нашей деревне среди взрослой молодежи были распространены вечеринки (гаштак)». На этих вечеринках впитывал в себя С. Айни в отроческие годы народные мелодии и песни, притчи и сказания.

Когда Садриддину было двенадцать лет, его родители умерли от эпидемии. После этого дня настал для него долгий период тяжелой работы и учебы в различных медресе Бухары.

Первые годы маленькому «студенту» медресе, без средств к жизни, пришлось заниматься не учебой, а обслуживанием состоятельных учащихся — готовить им пищу, убирать, и только урывками удавалось ему жадно припадать к книгам, слушать лекции. «Эта жизнь, — вспоминает он, — была мучительной и нестерпимой, но я с легким сердцем все сносил, мечтая лишь об одном — стать настоящим ученым».

В медресе Бадалбек ему часто случалось посещать «базмы» — вечеринки горожан, где играли музыканты, где пели и танцевали. Его пленяли строки лирических газелей в исполнении певцов. Ему тоже хотелось сочинять такие газели, но они не удавались ему. Первые стихотворения молодого Садриддина были посвящены описанию базмов. Стихи эти не нравились юноше, и он уничтожал их.

Нужда не покидала его. Он брался за любую работу, но ни при каких обстоятельствах не прекращая учебы, пока не удостоился самостоятельной худжры — крохотной кельи учащегося медресе Кукалташ.

Будучи учащимся медресе и лишь изредка навещающая свой кишлак, он с гордостью за своих односельчан от-

мечал, что в медресе почти никто из чванливых сынков богатых мулл не знал поэзии, а в деревне продолжали распевать стихи великих классиков: Хафиза, Камоля и Бедиля.

В родной среде таджикского села вырабатывалась у С. Айни неистребимая тяга не только к устной народной песне непосредственно, но и к народным мотивам в *классической письменной поэзии*.

Еще с детских лет пристрастившийся к поэзии, С. Айни жадно читал все, что было ему доступно из стихов Саади, Хафиза, Камоля, Бедиля, Физули — в ту пору его наиболее любимых поэтов.

Бесконечные словопрения по поводу смысла того или иного сложного стиха не могли удовлетворить его беспокойный, ищущий ум. Роясь в старинных манускриптах и в запыленных фолиантах, Садриддин из произведений XI—XIII веков, особенно из книг выдающегося энциклопедиста Ибн-Сины, узнал о существовании различных наук: истории, математики, космографии, медицины, астрономии. Все больше стала пленять юного Садриддина классическая, старая, но вечно живая таджикская поэзия и наука о стихосложении — «аруз».

Рано пробудившееся в нем чувство прекрасного влечет его и к песне, и к музыке, и Садриддин старается не пропустить ни одной возможности услышать пение и игру выдающихся музыкантов.

Особенно знаменательно то, что, в отличие от большинства учащихся медресе, молодой Садриддин живо интересовался бытом, нравами простых людей, «низов» Бухары. «При посещении базмов,— пишет он,— я сошелся близко с массой горожан Бухары и ее окрестных жителей. Большинство их составляли ремесленники — ткачи, конюхи, арбакеши (извозчики), водоносы, маляры, плотники и т. п. Это были скромные, обходительные и остроумные люди».

Он всегда поддерживал связь с отверженными, обойденными людьми, с дехканами и ремесленниками окрестных кишлаков.

Итак, мы стоим мысленно у истоков раннего, досоветского творчества С. Айни, и нам становится яснее, в чем источник его силы и блужданий в поисках истины в начальном периоде его писательского труда.

Тесное общение с народом, неразрывная связь с его жизнью, восприятие его нужд и чаяний как самого близ-

кого и дорогого для себя, готовность служить народу — таков источник силы.

Но, как уже отмечалось выше, переживания, думы и чаяния народные находили свое отражение не только в устной поэзии, но и в творчестве классиков, выдающихся писателей, людей, вышедших из разных социальных слоев. Стремясь раскрыть правду жизни, такие писатели преодолевали порой уровень мышления своего времени и своей среды и создавали великие произведения, отражавшие поистине народный взгляд на настоящее и будущее.

Не сразу научился молодой Садриддин разбираться в борьбе идей, которая находила своеобразное отражение в средневековой поэзии. Часто, пораженный яркой художественной отделкой поэтического слова, он воспринимал и представления, взгляды старых авторов. Но его, выросшего среди народа, больше всего привлекали в литературе поэзия живых чувств и страстей, мотивы протеста. Искреннее, взволнованное слово, глубокое проникновение в тайники человеческой души, стремление к правде, нетерпимость к фальши и лицемерию, ясный, образный язык оказали могучее влияние на С. Айни с первых лет его творчества. *Классическая таджикская поэзия — таков важнейший литературный источник раннего творчества С. Айни.*

В своих «Воспоминаниях» С. Айни рассказывает о том, как еще мальчиком стремился он изучить русский язык. Это один из наиболее драматических эпизодов во второй части его «Воспоминаний». Один из персонажей «Воспоминаний» мулла Тураб буквально поплатился головой за свое «русофильтство»; будучи обвинен в неверии, он был казнен. Мракобесы Бухары боялись русского языка, не пускали русское слово, несущее правду об иной, чем в Бухарском эмирате, жизни. С. Айни не удалось до революции изучить русский язык. Было бы, однако, ошибочным недооценить влияние передовой России на дореволюционное творчество С. Айни. Это были прежде всего «русские» идеи, проникавшие в Бухару сквозь все препоны, особенно после революции 1905 года, идеи общественного прогресса, служения народу, идеи народной революции и свержения самодержавия.

Проникавшие в Бухару новые идеи глубоко западали в сердца ищущих правды интеллигентов, даже из среды духовенства — таких, каким был в те годы С. Айни.

Первая зрелость

В конце 90-х годов в Бухаре, в доме просвещенного влиятельного сановника и писателя Шарифджона-махдума (в литературе он известен под псевдонимом Садри Зиё), у которого некоторое время работал в услужении юный Садриддин, был своеобразный «литературный салон». Там сходились, обменивались новостями и читали свои стихи наиболее просвещенные люди Бухары.

Когда читаешь сейчас некоторые стихи бухарских поэтов того времени, они кажутся политически совершенно невинными, наивными, не затрагивающими ни исламской ортодоксии, ни тем более устоев Бухарского эмирата. Однако в условиях бухарского мракобесия уже сам факт, что грамотные люди занимаются не заучиванием религиозных текстов, а, проявляя проблески самостоятельного мышления, пишут стихи, и особенно сатирические, — этот факт был молчаливым протестом, «бунтом на коленях» против безраздельного господства богословия. Для молодого С. Айни «салон» Шарифджона-махдума оказался в тех условиях животворным источником.

Молодой Садриддин все чаще начинает писать стихи под различными псевдонимами: «Сифли» (Униженный), «Мухтоджи» (Нуждающийся), «Джунуни» (Безумец) и, наконец, восемнадцати лет, с 1896 года, под псевдонимом «Айни». Этот псевдоним, по более позднему признанию писателя, особенно понравился молодому человеку, так как слово «айн» имело сорок восемь значений, в том числе «глаз», «исток», «мишень», «сущность».

Когда он впервые прочитал свои стихи лучшему своему другу, поэту Хайрату, тот одобрил и стихи, и самый псевдоним. *С тех пор в таджикской литературе и появляется новый писатель — Садриддин Айни.*

По основному своему характеру его стихи были по большей части газели в строго классическом стиле, традиционно любовного содержания, порою с налетом столь же традиционной грусти. В наследстве прошлого, как известно, есть элементы устаревающие, становящиеся постепенно, так сказать, формой без живого содержания. Ученик не сразу, конечно, умеет понять это и отличить такие формы от живых и способных к развитию. Отчасти так было и с Садриддином, но знатоки сразу приметили его природную одаренность, искренность вдо-

хновения и прекрасное владение техникой восточного стиха.

По мере все большего познания жизни, несправедливости ее социального устройства в поэзию С. Айни все сильнее проникают мотивы недовольства и протеста.

В 1900 году в жизни С. Айни произошло событие, имевшее чрезвычайно важное значение для всей его писательской судьбы.

По поручению некоторых друзей он переписывал ходивший в списках трактат Ахмада Дониша «Наводир ул-вакое» («Редкостные происшествия»). Трактат произвел переворот в душе юноши.

Официальное мнение гласило, что Ахмад Дониш, этот высокий человек, с огромной, склоненной набок головой, пронизательными глазами под большими нависшими бровями, человек, чьего острого слова боялись даже вельможи,— еретик, безбожник. Так думал и С. Айни. Но, переписывая его строки, вдумываясь в их смысл, С. Айни понял, что это такое неверие, о котором можно сказать словами Ибн-Сины, великого философа XI века. «Неверие подобное моему,— не пустое, не легкое дело: нет веры крепче моей!»

Юноша увидел, что, кроме той веры, которой так старательно его обучали, есть и другая вера — это вера во всемогущество человеческого разума. Каким ничтожным предстало перед ним ортодоксальное правоверие по сравнению с тем, которое проповедовал Ахмад Дониш, слывший недостойным безбожником!

Для С. Айни страницы рукописи Ахмада Дониша были откровением и определили жизненную цель писателя: *нести просвещение в народ*. Но цель эта, по существу, была довольно туманной и абстрактной. Он не знал еще, какого рода просвещение нужно нести в народ и как его нести. Страстному прозелиту казалась достаточной сама идея просвещения, хотя и не осознанная до конца, но столь возвышенная и яркая.

Итак, С. Айни выходит из периода ученичества с жадным стремлением стать полезным народу. Он вступил на путь просветительной деятельности — организует новометодные школы, работает в них, пишет для них учебники, стихи, рассказы, обосновывая в них пользу светских знаний в противовес ограниченному мусульманскому богословию.

С. Айни принялся искать новые книги. С годами он

их нашел. Вот «Путешествие Ибрагимбека» (книга на языке фарси азербайджанского писателя XIX—XX веков Ходжи Зейналабеддина Мераген), метко и язвительно бичевавшая социальные пороки Персии периода царствования шаха Мозаффареддина. Как в ней все было похоже на бухарскую действительность, вплоть до самого имени шаха, случайно совпадавшего с именем эмира бухарского — Музаффархана! Казалось, что здесь говорилось о Бухаре.

С. Айни начал искать мусульманские газеты, выходившие в Индии, Египте, и татарские — в России, газеты, в которых содержалась хотя и куцая, ограниченная, но все же некоторая критика исламского мракобесия.

Чтобы верно оценить деятельность С. Айни в период между двумя революциями (1905 и 1917 гг.), необходимо представить обстановку в тогдашнем Бухарском эмирате.

Политическая и экономическая жизнь Бухарского эмирата теснейшим образом была связана с Россией, ставшей, как известно, с начала XX века центром революционного движения. Хотя революция 1905 года и не победила, а послужила лишь прологом к будущей, Октябрьской, однако международное значение и могучее влияние ее были огромны.

В. И. Ленин писал об этом в статье «Пробуждение Азии»: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».

Революция 1905 года разбудила народы Средней Азии, ее эхо докатилось и до Бухарского эмирата. Почва здесь была уже достаточно накалена. Растущая классовая дифференциация и переплетение всякого рода гнета — феодального, колониального, капиталистического — приводили к нарастанию возмущения среди трудящегося дехканства, издольщиков, батраков, отходников, городской бедноты, усиливали их восприимчивость к революционным лозунгам. Картины стихийного возмущения, созревания революционных настроений в Бухарском эмирате в начале XX века были осознаны С. Айни уже значительно позже и правильно изображены во второй части романа «Рабы».

В городе Новая Бухара в 1905 году уже бастовали рабочие хлопкоочистительных заводов. Народ, о котором господствовавшие классы думали, что он безмолвствует и вечно будет безмолвствовать, готовился к тому, чтобы подняться во весь рост.

Народное возмущение, то тлеющее и даже почти угасающее, то вспыхивающее и разгорающееся ярким пламенем,— вот что с начала XX века составляет наиболее существенное в жизни Бухарского эмирата.

Абстрактный лозунг просветительства в такой форме, какой он выдвигался таджикскими прогрессивными писателями XIX века — Ахмадом Донишем и его последователями, становился в новой обстановке XX века недостаточным. Непонимание этого было свойственно настроениям колеблющейся мелкобуржуазной интеллигенции, которая еще не сумела просветительские идеи связать с борьбой народных масс.

Из среды мелкобуржуазной интеллигенции выходили, однако, писатели, которые в мучительных поисках верных путей выражали порою в своих произведениях действительно передовые идеи. (Это относится к отдельным стихам С. Айни, сатирам М. Хайрата, поэмам Ташходжи Асири из Ходжента.)

Большую роль в их деятельности сыграло влияние передовой русской культуры, переводы произведений русских писателей на азербайджанский, татарский, узбекский и таджикский языки. Можно проследить идейную связь передовых таджикских писателей с творчеством испытавших на себе русское влияние передовых писателей других братских народов (особенно узбекских поэтов Мукими, Фурката и Хамзы, татарского классика Г. Тукая, азербайджанских писателей М. Ахундова и Сабира), с первыми шагами азербайджанского театра, журнала «Молла Насреддин» и т. п.

С. Айни участвовал в выходивших короткое время (1912—1913 гг.) в Бухаре газетах, помещая в них преимущественно стихи, обычно довольно скромного, просветительского характера. Это не могло, однако, не привлечь на него гнева бухарского духовенства. С. Айни принимал также участие в узбекско-таджикском журнале «Оина» («Зеркало»), помещая и там свои стихи.

Чрезвычайно интересно опубликованное в № 5 журнала «Оина» (1914 г.) стихотворение «Нидо ба джавон» («Воззвание к молодежи»). Оно свидетельствует,

что поэзия С. Айни развивалась все больше в сторону публицистической заостренности. Заканчивается стихотворение страстным призывом к молодежи:

Словно месяц в мощном полнолунии,
Распространяй сияние над миром!
Словно сад весенней порой,
Успокаивай печальные сердца людей!

Если же нет у тебя плодов, как нет их у кипариса,
То одаряй хотя бы, подобно ему, своей тенью;
Если же нет у тебя жара, как у солнца,
Хоть раз, подобно туче, ниспошли дожди!

Чем только можешь, отдавайся
Всегда служению обществу!

(Перевод И. Брагинского)

Вскоре началась первая мировая война. Усилилась слежка за всеми, кто был заподозрен в «неблагодетельности». В конце 1915 года С. Айни был «удостоен» вызова к самому кушбеги («канцлеру») Насрулло-беку. Последний очень сурово сказал С. Айни, что о его «неблагодетельном поведении» ходит много разговоров, и так это продолжаться не может. С. Айни обвинили в чтении газет, что само по себе приравнивалось в Бухаре к государственному преступлению.

С. Айни не был тогда еще арестован за «возмутительное поведение». Однако вскоре начались обыски в медресе. С. Айни понял, что ему надо как можно скорее исчезнуть из Бухары.

Он укрылся на станции Кзыл-Тепе и поступил здесь на хлопковый завод весовщиком, где проработал до апреля 1916 года. На заводе работало 150 рабочих, в том числе таджики-отходники из горных районов восточной Бухары, персы, русские. Знакомство с рабочими расширило кругозор С. Айни.

После среднеазиатского восстания 1916 года он отправился в Карши (в октябре 1916 г.) к своему старому покровителю Шарифджону-махдуму, который занимал там официальную должность судьи-казия. Там ему удалось ближе познакомиться с ремесленниками и крестьянами.

Большой интерес представляет вышедшее в самом начале 1917 года второе издание учебной книги «Тахзиб-ус-сибийон» («Воспитание юношества»), в которой была опубликована повесть «Хонадони хушбахт» («Счастливое семейство»), написанная С. Айни в 1916 году.

По форме эта своеобразная повесть продолжала традиции эпистолярной прозы, утвердившейся в таджикской литературе к этому времени: перед нами переписка юного Мухаммада Фариды со своей семьей. По существу, это был *зародыш реалистической прозы*.

В одном из последних помещенных в этой книге стихотворений с характерным названием — «Ни за что не продавайте земли!» устами С. Айни говорил крестьянский сын, знающий, что значит проникновение капиталистических отношений в деревню, что значит разорение крестьян ростовщиками, скупавшими землю у своих жертв.

И вместе с тем, характеризуя этот период жизни С. Айни, нужно отметить, что он совершил тогда ошибку: свою просветительскую деятельность он связал с деятельностью оппозиционного движения в Бухарском эмирате, движения джадидов.

Джидиды были идеологами местной буржуазии, складывавшейся в класс, буржуазии преимущественно торгового, компрадорского типа. Выступившие уже после революции 1905 года бухарские джадиды (называвшие себя также в подражание «младотуркам» «младобухарцами») больше всего боялись революции и возмущения народных масс. Тяготаясь «крайностями» эмирского режима, они выступали с чрезвычайно куцей национал-реформистской программой, имевшей ближайшей целью облегчить развитие торговой деятельности местной буржуазии.

Джадидизм по преимуществу был буржуазно-националистической реакцией на революционный подъем народов Средней Азии в 1905—1907 годах.

Буржуазии нужны были грамотные приказчики, и поэтому в числе куцых требований (вернее, просьб) джадидизма был пункт о введении новометодных школ. Этот пункт и пленил С. Айни.

В своей внешнеполитической ориентации среднеазиатский джадидизм был пантюркистским. После Великой Октябрьской социалистической революции джадидские лидеры, пытаясь сохранить влияние на массы, некоторое время фрондировали «левыми» фразами, но постепенно джадидская верхушка в своем большинстве скатилась в болото прямой, открытой контрреволюции.

Таким образом, и по своим политическим установкам, и по своему влиянию на литературу джадидизм с

самого начала был отходом от просветительства Ахмада Дониша.

К чести С. Айни нужно сказать, что он не воспринял пантюркистских идей джадидизма и сравнительно быстро осознал ошибочность своего джадидского зигзага, а после Октябрьской революции сурово осудил и заклеил во многих своих произведениях джадидизм как антинародное движение.

«Школа Октября: второе рождение и новая молодость

С. Айни откликнулся на революционный переворот, происшедший в России в феврале 1917 года, немедленно, как только весть о нем дошла до Бухары.

В первом же номере выходившей в Самарканде на узбекском языке газеты «Хуррият» («Свобода») в марте 1917 года помещена его корреспонденция, в которой он писал:

«В России, наконец, произошла революция, которую с нетерпением ожидали в течение многих лет... Теперь мы можем свободно говорить и писать». С. Айни начал постепенно осознавать интернациональное значение революции, как решающего фактора изменения судеб всех народов России.

После свержения самодержавия в 1917 году вожди бухарских джадидов решили устроить благодарственную демонстрацию в честь эмира и опубликованного им 7 апреля (старого стиля) манифеста. Собирались они провести ее по-джадидски, т. е. без подготовки масс и под лозунгом: «Да здравствует эмир, дарующий реформы!». В накаленной атмосфере Бухары, при огромном влиянии фанатического духовенства, агитации которого не была противопоставлена разъяснительная работа в массах, такая демонстрация могла послужить лишь поводом для реакционного контрвыступления.

С. Айни с самого начала был против этой демонстрации. Он говорил джадидским руководителям: «Во-первых, манифест не стоит благодарности; во-вторых, под предлогом вашей демонстрации правительство организует контрвыступление, изымет манифест, а всю ответственность за это свалит на вас». С. Айни не принимал участия в демонстрации, но когда демонстрация была

разогнана и многие ее участники были арестованы, С. Айни был схвачен в своей келье.

Устод был «всемилодиво» приговорен эмиром не к казни, а к 75 ударам палками по голой спине. Не были пощажены ни его ученость и образование, ни его духовный сан сеида и ходжи, перешедший к нему по наследству. Этот плебей был слишком ненавистен духовенству, тем более как изгой, познавший всю премудрость богословия и непочтительно повернувшийся к нему спиной. После избиения С. Айни был брошен в зиндан.

С. Айни неминуемо погиб бы в своем заключении, но его спасли прибывшие на станцию Каган (около Бухары) русские солдаты, возвращавшиеся с фронта. Совет рабочих депутатов в Кагане, узнав о судьбе С. Айни и его соратников, направил группу солдат в Бухару к тюрьме.

С. Айни рассказывает, как его вывели из тюрьмы и как тут же возник митинг: «Один за другим выступали солдаты и клялись отомстить эмиру. Над митингом взвилось красное знамя, и я стал под ним, поддерживаемый одним из солдат».

Это было символично: С. Айни впервые встал под красное знамя, на котором написаны были бессмертные слова интернационального призыва: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И это был вполне реальный символ, знаменовавший зарождение в душе немолодого уже писателя великой идеи интернациональной солидарности, высвобождавшей его от национальной ограниченности.

С 12 апреля 1917 года по 1 июня 1917 года, т. е. 52 дня, С. Айни пролежал в Каганской больнице, залечивая жестокие раны.

12 апреля другой узник, участвовавший в демонстрации, подвергнувшийся такому же зверскому избиению, Мирзо Назрулло, скончался. Его похороны при больнице превратились в революционную демонстрацию, во время которой С. Айни впервые услышал, как поют «Интернационал».

3 июня 1917 года С. Айни переехал в Самарканд, под защиту местного Совета рабочих и солдатских депутатов, который пользовался тогда в городе большим авторитетом и фактически сосредоточил в своих руках власть.

Местное реакционное духовенство, поддерживающее

связь с бухарским эмиром, хотело расправиться с С. Айни с помощью наемных убийц. Оно опубликовало фетву (религиозно-юридическое заключение), в которой было, в частности, сказано: «Айни — отщепенец мира ислама. Его нельзя пускать в Самарканд, являющийся одним из центров ислама».

За С. Айни вступился Самаркандский Совет (Совдеп). Как впоследствии писал С. Айни: «Совдеп вызвал руководителей духовенства, и им было заявлено, что они будут нести ответственность в случае покушения на мою жизнь... После этого муллы не нападали на меня открыто».

Едва оправившись от ран, С. Айни связался с русскими большевиками — членами Совета, а по их рекомендации и с местными мусульманскими организациями, близкими к Совету, а также с коммунистической партийной организацией. «Позже,— вспоминают участники событий того времени,— он активно участвовал в собраниях мусульманского комитета Красной Армии, татарско-башкирской коммунистической секции, организации «Иттифок» (Союза мусульман-трудящихся. — *Авт.*). Хотя наши собрания порою долго длились, он всегда терпеливо досиживал до конца».

Таким образом, С. Айни все больше приобщался к интернационалистической деятельности многонационального Самарканда и проходил, по его признанию, «школу Октября».

«Триумфальное шествие», как назвал В. И. Ленин быстрое и почти бескровное установление после победы Октября Советской власти в городах центральной части России, распространилось и на города бывшего Туркестанского края, такие, как Ташкент, Самарканд, Ходжент (нынешний Ленинабад) и др. Здесь Советская власть прочно победила в конце 1917 года и устояла против контрреволюции, укрепившись в огне гражданской войны на основе нерушимого союза рабочего класса (в значительной мере состоявшего из русских пролетариев) и местного дехканства, под руководством коммунистических организаций, осуществлявших ленинскую национальную политику дружбы народов и бескорыстной помощи центральных районов России национальным окраинам.

Иное положение сложилось в Эмирской Бухаре, превратившейся в очаг контрреволюции, опиравшейся

на военную помощь империалистических держав. Здесь малейшее выражение революционного протеста, любое народное выступление в 1917—1919 годах каралось эмирскими головорезами еще более жестоко, чем в до-революционное время.

Однако к 1920 году чаша народного терпения переполнилась, и в сентябре 1920 года произошла Бухарская народная революция. Трудящемуся народу помогла Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Эмир был свергнут и вместе со своей челядью бежал за границу под покровительство иностранных держав. На территории Бухарского эмирата установилась власть Бухарской Народной Советской Республики, действовавшей под руководством Бухарской коммунистической организации в тесном союзе с молодой Российской Советской Социалистической Республикой.

После четырех лет, заполненных коренными реформами и огромной воспитательной работой среди трудящихся масс, Бухарская Народная Советская Республика вступила на путь социалистического строительства и по волеизъявлению народа вошла в 1925 году в состав Узбекской Советской Республики. Тогда же на территории бывшей восточной Бухары (преимущественно горные районы Бухарского эмирата) в составе Узбекской ССР была создана Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика со столицей — Душанбе. В 1929 году Тадж. АССР была преобразована в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику.

Весь период 1917—1924 годов С. Айни работал в Самарканде. Лишь полгода — с 22 апреля по 22 октября 1919 года — он вынужден был скрываться в Ташкенте от тайных убийц, подосланных эмиром в Самарканд. Дело в том, что после неудачной попытки анти-эмирского переворота в Бухаре в марте 1918 года эмир казнил младшего брата С. Айни — Сироджиддина. Считая С. Айни одним из виновников «бунтов», эмир намеревался расправиться и с ним. Убийцам не удалось совершить черное дело. В конце 1918 года С. Айни вернулся из Ташкента в Самарканд.

О значении краткосрочного пребывания С. Айни в Ташкенте (где Советская власть победила уже в ноябре 1917 г.) стало известно лишь в последнее время. С. Айни в первый месяц своего пребывания в Ташкенте набросал два небольших стихотворения, хорошо от-

разившие те новые настроения, которые зародились у него в ту пору. Эти стихотворения были впервые обнаружены известным узбекским поэтом Гафуром Гулямом и опубликованы лишь в 1968 году.

Во втором из стихотворений, названном «О, родина!», свидетельствующем о проснувшемся в его душе резко критическом отношении к буржуазным националистам-джадидам, С. Айни писал:

Иного, кроме зла тебе, не замышляют никогда
Те, кто для вида, на словах, кривляются: «лишь для
тебя».

Когда, к примеру, действуют они «во имя родины»,
Все — для себя, а вовсе не стараются лишь для тебя.
Но те, кто как отверженный Айни, готовы жизнь

отдать,
Они, с молитвой на устах, сражаются лишь для тебя.

(Перевод И. Брагинского)

С. Айни, который к тому времени уже сумел на собственном опыте убедиться в реакционности религиозных деятелей, в том числе панисламистов, сделал в Ташкенте следующий шаг в своем идейном развитии. Для него стала ясной антинародная сущность и пантюркистов, буржуазных националистов из числа его бывших единомышленников-джадидов. Это освобождение от идеологических заблуждений и помогло С. Айни встать на позиции коммунизма, как он сам впоследствии признавал, говоря, что партия вызволила его из «болота джадидской идеологии».

Именно в Ташкенте созрели (а может быть, и были написаны) такие опубликованные позже выдающиеся стихи, как «Элегия на смерть брата», и особенно «Марсельеза» на таджикском и узбекском языках.

Траурная элегия (марсия) на гибель младшего брата Ходжа Сироджиддина, павшего от руки эмирских палачей 6 августа 1918 года, заканчивалась традиционным обращением к богу («О Владыка»), но пронизана от начала до конца революционным духом:

О Владыка, пусть будет разрушен этот дом
несправедливости и гнета!

О Владыка, пусть эта твердыня произвола
превратится в кладбище!

О Владыка, пусть те муфтии и казни, шах и везир
Падут и захлебнутся в собственной крови!

(Перевод И. Брагинского)

Позже его постигает новый удар. В 1922 году басмачами был зарезан его старший брат Мухиддин, про-

живавший в родном кишлаке Соктаре. Это был почтенный духовный наставник, виновный лишь в том, что он брат «безбожника Айни».

Самарканд был городом с революционными традициями. После февральской революции 1917 года местные большевики завоевали доверие русских, таджикских и узбекских рабочих и пользовались большим влиянием в Совете. После победы Октября в Ташкенте Советская власть упрочилась и в Самарканде и выстояла против всех контрреволюционных выступлений в тяжелые годы гражданской войны. Здесь начал сорокалетний С. Айни свою новую, послереволюционную жизнь. Впоследствии он писал, что *Октябрь знаменовал новое его рождение*, Октябрь вернул ему молодость, причем молодость новую.

Октябрьская революция открыла ему, представителю старой таджикской интеллигенции, нелегкую, но славную дорогу — дорогу овладения законами классовой борьбы, дорогу поисков, включавших в себя преодоление узкопросветительских иллюзий.

В своей литературной и практической деятельности С. Айни становится первым таджикским советским агитатором, советским журналистом и советским педагогом. Тогда же он становится зачинателем таджикской советской поэзии, родившейся в огне революции.

Первым таджикским советским произведением был марш, и автором его был Садриддин Айни.

Это был «Марш свободы», сложенный на мотив «Марсельезы» в начале 1918 года и начинавшийся словами:

О рабы! Подымайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря,
Сбросьте иго покорства и страха,
Засияла свободы заря.

Мы рассеем унынье и горе,
Мы неправду развеем, как дым,
Во всемирном, вселенском просторе
Справедливость навек утвердим.

(Перевод И. Сельвинского)

В этом марше все было ново для таджикской поэзии: и тема, и противоречащая старым канонам перекрестная рифма, и революционная идея, и мелодия интернациональной песни.

Так, под знаком революции зародилась таджикская советская литература. Она зародилась на улице, в устах сотен и тысяч молодых революционеров и крестьян-краснопалочников (участников партизанских отрядов, боровшихся при поддержке Красной Армии с басмаческими бандами).

Первые выступления С. Айни после Октября 1917 года были, по существу, страстными призывами советского агитатора и пропагандиста, выраженными в стихотворной форме.

Быть *верным жизненной правде*, бороться за нее — вот чему научился С. Айни, работая агитатором и пропагандистом.

Этому же он учился на опыте работы советского журналиста. В 1919—1921 годах он сотрудничал в первом таджикском советском журнале «Шу'лаи инкилоб» («Пламя революции») и в узбекском журнале «Мехнаткашлар товуши» («Голос трудящихся»).

Не менее богатой и значительной была педагогическая деятельность С. Айни. Его давнишнее стремление к просветительству приобрело после Октября принципиально иное содержание, оно было подчинено задачам коммунистического воспитания трудящихся и прежде всего — молодежи.

Со свойственной ему настойчивостью и энтузиазмом ринулся С. Айни на борьбу с темнотой и невежеством. Он был первым таджикским учителем в советской школе. Он и позже, переключившись на другую работу, принимал самое деятельное и постоянное участие в составлении букварей и учебников для школ.

Первым учебником, опубликованным С. Айни в советское время, была составленная им в 1922 году на узбекском языке книга «Девочка, или Халида». Это была, как значилось на титульном листе, «литературно-нравственная книга для чтения в начальных женских классах», где в 30 уроках разворачивалась целая повесть о девочке Халиде: в школе, в семье, на лоне природы, о том, как в общении с детьми трудящихся (с дочерью водоноса — Фатимой) и в учении Халида из избалованной девочки состоятельных родителей превратилась в хорошую, трудолюбивую ученицу.

В первом советском таджикском букваре помещены во второй части небольшие, просто и ясно изложенные тексты, составленные С. Айни (обычно без его подпи-

си), в том числе небольшое стихотворение «Что такое школа?»

В составлении других букварей и книг для чтения вплоть до 1931 года С. Айни принимал участие, помещал свои стихи, писал политические тексты, отличающиеся ясностью, простотой и общедоступностью.

Даже став уже известным писателем, С. Айни продолжал участвовать в составлении учебников, в частности «Пятилетки в четыре года» — большой книги для чтения (свыше 400 страниц большого формата), содержащей разнообразные материалы о политике партии, о различных областях социалистического строительства в городе и кишлаке, о Ленине, об истории революционного движения в России и о дружбе народов.

Вся практика многолетней и разнообразной педагогической работы С. Айни, его живое общение с учениками и учителями не могли не влиять существенным образом на характер его писательской деятельности.

Несомненно, что большую роль сыграла и организационно-административная и редакторская работа С. Айни. С 1921 по 1925 год он работал в представительстве Бухарской Народной Советской Республики в Самарканде, затем с 1925 года — в Самаркандском отделении Таджикского государственного издательства.

Во всей совокупности эта многогранная работа, беззаветный труд на благо народа и составляли ту «школу Октября», которую проходил С. Айни и где учителем его была Коммунистическая партия. Садриддин Айни говорил: «Лишь Коммунистическая партия и Советская власть смогли переродить заново и меня, человека, прошедшего жизнь в медресе, косневшего в старых нравах и обычаях, погрязшего в болоте гнилого джадидизма».

Таким образом, «школа Октября» — это прежде всего политическое понятие. Писатель проникся коммунистической идейностью, сознанием высокого назначения писателя.

Осознание принципа партийности литературы сделало С. Айни с первых его прозаических произведений советской эпохи автором «своевременных книг» (употребляя выражение В. И. Ленина при оценке художественного произведения). Это качество было неизменно присуще ему на всем протяжении его художественно-литературной деятельности.

В ноябре 1920 года С. Айни закончил работу над прозаическим произведением «Джаллодони Бухоро» («Бухарские палачи»).

Это было время, когда эмират был уже свергнут, но еще не добит. С помощью англо-американских империалистов он собирал басмаческие банды, и прикрываясь лозунгом «священной войны» (газават) против большевиков, пытался вновь поработить трудовой народ. Нужно было разоблачить эмират и поддержавшее его мусульманское реакционное духовенство, затемнявшее сознание забытых дехкан. Произведением, высмеивающим эксплуататоров и реакционное духовенство, во всей наготе показывающим их антинародную сущность, была повесть С. Айни. В этом заключалась ее своевременность.

Но этому произведению С. Айни не привелось стать первой повестью таджикской советской литературы — оно не было своевременно опубликовано. Впервые повесть увидела свет — и то лишь в сокращенном виде на узбекском языке в 1922 году (в журнале «Инкилоб»), а полностью на таджикском — только в 1937 году.

Первой опубликованной таджикской советской повестью стала «Одина» С. Айни.

Ее публикация в первой таджикской газете «Овози тоджик» («Голос таджика») в 1924 году и ознаменовала начало советской таджикской прозы.

Садриддин Айни никогда не был простым созерцателем жизни, он всегда находился в гуще ее. В годы революции, став в ряды тех, кто «к штыку приравняли перо», он оружием печатного слова сражался против умирающего мира угнетения и насилия, нес в широкие народные массы правду социалистических идей.

С. Айни был одним из первых организаторов национальной прессы и зачинателем таджикской журналистики. В своих публицистических статьях, очерках, стихах-призывах, игравших роль своеобразных листовок, он темпераментно и убеждающе разъяснял дехканам-беднякам суть политики Советов, побуждал их отрешиться от вековой покорности.

Горячей ненавистью к эмирским насильникам пропитана каждая строка, писавшаяся им в пору, когда ломались устои феодально-деспотического уклада старой Бухары — будь то листовка, призывавшая солдат эмира переходить на сторону революции, или художе-

ственно-документальные очерки о кровавой истории правления последней, мангытской династии, или книга «Бухарские палачи», или первая таджикская реалистическая повесть «Одина» («Приключения бедного таджика»). На этих произведениях воспитывалось классовое сознание тысяч бедняков, под их воздействием росли и ширились ряды сторонников Советской власти.

Об огромном впечатлении, которое производили на молодого читателя первые произведения С. Айни, красочно рассказывает таджикский писатель Сотым Улугзода в автобиографическом романе «Утро нашей жизни»:

«И вот в газете «Овози тоджик» стала печататься повесть под заглавием «Одина». Мы все с увлечением набросились на эту повесть и с нетерпением ожидали очередного номера газеты с ее продолжением. Как сейчас помню,—сидят на своих койках студенты в цветных ватных халатах, а некоторые даже в чалмах, и, пригнувшись друг к другу, читают «Одина».

Позже появилась книга под тем же названием... Когда я стал читать эту книгу, она сразу же меня увлекла, язык книги меня просто очаровывал. Я никогда не слыхал и не читал таких чудесных слов. Как все хорошо, красиво, плавно, будто слышишь приятную музыку! Мне казалось, что нет ничего красивее и приятнее таджикского языка. Я переписывал в свою тетрадку многие места «Одина», выучивал наизусть целые страницы... Не только книги Айни, но и он сам, его жизнь действовали на наше воображение, будили в нас новые мысли. Чуть ли не каждый год появлялись новые его произведения, из которых мы узнали жизнь своего народа, по которым учились своему литературному языку. Именно по трудам Айни мы впервые знакомимся с памятниками нашей тысячелетней литературы... Герои его книг — Одина, Едгор, Гульнор были друзьями нашего юношества».

С. Айни не был одинок — рядом с ним рука об руку как соратники или как ученики работали, боролись за принципиально новую литературу первые таджикские советские писатели и поэты: Абулькасим Лахути, Абдулвохид Мунзим, Пайрав Сулаймони, Мухаммаджон Рахими, Мухиддин Амин-зода и другие.

В известном выражении о том, что все русские писатели-классики вышли из гоголевской «Шинели», есть

глубокий, общий историко-литературный смысл. Многие литературы Востока имеют свою «Шинель». Так, например, «Шинелью» китайской литературы является произведение Лу Синя «А-Кью». «Одина» же можно назвать «Шинелью» таджикской литературы: из «Одина» вышли все таджикские советские писатели.

Позже, накануне года великого перелома, совпавшего для таджикского народа с созданием союзной республики, С. Айни написал свой первый роман «Дохунда» (вышел впервые в Казани в 1930 г.), в котором решается вопрос о месте передовых людей в борьбе за социализм. На образах положительных героев этого романа воспитывалось целое поколение строителей социализма в Таджикистане.

Показательна судьба основных действующих лиц обоих произведений. В повести «Одина» гибнут сам бедняк Одина, его возлюбленная Гульбиби, его мать Биби-Ойша.

В романе «Дохунда» С. Айни показал, как борются сверстники Одины, такие, как Ёдгор и его подруга Гульнор, — они живы и побеждают. Гибнут не они, а басмаческие атаманы, баи; гибнет обреченный историей и разгромленный поднявшимися батраками и бедняками («дохунда») класс феодалов и его прислужники. В романе показана борьба за новую жизнь. Даже живучесть Ёдгора, спасшегося от расстрела, подчеркивает эту идею. Образы Ёдгора и Гульнор вошли в жизнь, их имена стали нарицательными, о них слагались песни.

Большой интерес представляет характеристика, впоследствии данная самим С. Айни, двум героям его произведений — «Одине» и «Дохунде» (Ёдгору). В обоих произведениях образ героя соотносится с образом ручья.

В «Одина» о ручейке пишется так: «Везде по склонам снег стаял, и только вершины не сбросили свои ледяные шапки... Но не только безгласным сиянием радовали эти вершины. Они раскрывали тайники, полные снегом, и питали бесчисленное племя потоков, мчавшихся в ущелье... Среди камней и скал струилась живая вода. Эти ручьи не похожи на ручьи долины. Со слабым журчанием, не громче серебряного колокольчика, они стремят свои воды, в которых не могла бы утонуть даже чахлая придорожная былинка, *не перевернулся бы ни один камешек*».

— Таков образ Одины, — разъяснял С. Айни. — Много воды утечет, но *одинокий камешек и не перевернется*. Другое дело — в «Дохунде», где так рассказывается о ручье:

«Не подумайте, что любой родник этой долины настолько силен, чтобы приводить в движение жернова мельницы. Нет! Эти родники похожи на глаза угнетенных во времена царей: родники источают свою воду каплю за каплей. Разница лишь та, что из глаз угнетенных капали кровавые слезы, а из родников — вода. Из многих родников эта вода собирается в чистый, прозрачный ручеек, причем она так чиста, будто ее процедили сквозь камень. Ее переливы, подобно светлячкам в ясную ночь, напоминают алмазы чистой воды. Пойдемте дальше. Сверкающая вода, подобно прячущейся луне, скрывается под большим камнем. Вы, конечно, опечалитесь, но не грустите. Едва вы сделаете сотню-другую шагов по узкой горной тропинке у подножия горы, как вновь вода появится с журчанием, бурно выбиваясь из-под другого камня. Ручей, проложив себе путь под землей, вобрал в себя еще несколько ручейков. Он стал больше, бурнее и сильнее. *Он ворочает камни...*».

— Вот видите, — завершил С. Айни свою характеристику, — здесь уже другой образ. Отдельные капли слились сначала в ручеек, потом ручеек превратился в бурный поток — в полноводную реку. Эта река ворочает камни, смывает все преграды на своем пути. Дохунда — уже не маленький одинокий камешек, это — борец.

Подлинная зрелость: путь к совершенству

Следующий этап развития творчества С. Айни и всей таджикской советской литературы совпадает с годами пятилеток, с годами ожесточенной борьбы с силами прошлого, сопротивлявшимися развернувшемуся по всему фронту социалистическому наступлению. Таджикские писатели участвовали в Первом Всесоюзном съезде советских писателей. К этому периоду относится также создание республиканского Союза писателей Таджикистана.

Активное участие в созидательной работе советских органов в строительстве новой, социалистической куль-

туры, большая педагогическая работа, которую вел С. Айни, — все это дало ему возможность самому увидеть и глубже понять каждый шаг революции и сущность совершаемых преобразований. В ходе социалистического переустройства жизни крепло и развивалось мировоззрение С. Айни как писателя социалистического реализма.

Романом «Рабы», который С. Айни представил на конкурс, проводившийся в связи с подготовкой к Первому съезду писателей в 1934 году, он заканчивает свой первый прозаический цикл, состоящий из «Одина», «Дохунды» и «Рабов». Эти три произведения с полным правом могут быть названы *трилогией особого рода*.

Трилогия С. Айни — это своеобразная исповедь, исповедь самого народа в художественной форме. Это исповедь народа о том, как поднялся он из мрака феодального средневековья к сияющим вершинам социализма; как достиг он этих высот благодаря помощи великого русского народа и Коммунистической партии, миновав муки капиталистического рабства. В этом исторический смысл своеобразной трилогии Садриддина Айни.

«Одина» и «Дохунда» при несомненно реалистическом характере их творческого рисунка отдают однако еще некоторую дань сентиментализму и созерцательной мечтательности. «Рабы» же в полном смысле реалистический роман, знаменующий в творчестве С. Айни торжество социалистического реализма. Это эпопея о жизни таджикского и других народов Средней Азии, о самом главном и существенном в их судьбах, о революционном преображении, о том, как вчерашние рабы, веками поработанные и угнетенные народы встали с колен, разметали своих врагов-насилльников и, пройдя сквозь бури революции, стали хозяевами своей жизни, творцами своего счастья.

Роман «Рабы» охватывает большой исторический период. Он начинается мрачной картиной работорговли в начале XIX века и завершается изображением победы колхозного труда хлопкоробов в 1933 году. В нем множество эпизодов, много действующих лиц, обилие бытовых деталей, но сквозь все это многообразие проходит одна основная идея, которая лучше всего может быть выражена словами пролетарского гимна: «Кто был ничем, тот станет всем!»

Жизнь изображена в романе в ее постоянном изменении и обновлении, в трех планах (М. Горький именно это считал важнейшей чертой социалистического реализма): уходящей действительности прошлого, развивающейся действительности настоящего и раскрывающейся действительности будущего.

Хотя это будущее показано лишь в его ростках и побегах, лишь на ограниченном участке, но правдивое изображение жизни в ее революционном развитии открывает перед читателем широкий горизонт, вооружает его перспективой.

Роман «Рабы» написан зрелым художником, он явился результатом многих лет продумывания темы, вынашивания его образов, и каждая его строчка дышит ненавистью к рабовладельцам и глубокой верой в освобождение. В душе писателя не улеглись страсти революционных боев, открывших новую эпоху в истории человечества. Его вдохновляет героика революционных преобразований, осуществляемых Коммунистической партией, триумф социалистической революции, величие коренного перелома в деревне. Это придает особую приподнятость роману, написанному внешне в сдержанном эпическом тоне.

Духовный мир действующих лиц романа, революционное преобразование народа писатель раскрывает на основе выявления *объективных закономерностей каждого периода истории*. В действии показаны все социальные группы тогдашнего бухарского общества: феодалы, светские и духовные, с одной стороны, дехкане и рабы — с другой.

В первой части изображается рост эксплуатации и гнева дехкан, показано, как новые формы гнета вызывают рост возмущения, который прорывается сквозь все рогатки произвола и насилия. С. Айни с особым вниманием фиксирует разные проявления этого возмущения в самую мрачную пору эмирата: в насмешках дехкан над весовщиком, в их протестующих выкриках в лицо баю, в образе мужественного молодого крестьянина Рустама, который, будучи в «наказанье за смутьянство» связан по рукам и ногам, не сдается, не опускает головы. Когда Абдурахим-бай, издеваясь над ним, спрашивает:

«— Теперь ты понял, кто вор, ты или я?

— Понял,— ответил Рустам.— Ты! Только разница в том, что вор идет ночью, таясь, с ножом в руке, один на

один, а ты днем, на глазах у всех, грабишь исподтишка».

И хотя «стражи кинулись к Рустаму, принялись бить его по голове палками», читатель чувствует, что победителем выйдет в конечном счете Рустам, что у дехкан раскрываются глаза, зреет их возмущение, историческая правда на их стороне.

Во второй части показаны события одного лишь года начала XX века. На первый взгляд будто ничего и не изменилось. По-прежнему податные чиновники-амлякдары до нитки обируют дехкан, по-прежнему муллы и ишаны одурманивают сознание трудящихся. На самом деле, однако, подспудные силы действуют. Экономическая связь Бухары с Россией, включение Бухары во всероссийский рынок, революционизирующее влияние, идущее из России, особенно усилившееся в годы между двумя революциями,— все это делает свое дело. Мы видим новую расстановку сил: с одной стороны, наряду со старыми феодалами появляются баи нового типа, нажившиеся на ростовщичестве, выросшие из деревенских старост (арбобов), вроде Урмон-Палвона, сына приказчика крупного рабовладельца Абдурахим-бая, с другой — перед нами уже не рабы, а надольщики, безземельные дехкане, батраки.

С. Айни показывает, как вчерашние рабы, забитые и безропотные, ставшие малоземельными дехканами, издольщиками и батраками, не хотят больше молчать. Они выступают уже не в одиночку (как в эпизоде с Рустамом в первой части), а группами. Сцены крестьянского протеста при сборе налогов занимают центральное место во второй части. Кульминационным же пунктом служит возмущение дехкан против сборщиков налогов — Мулло Навруза и откупщика Назар-бая.

В этих групповых «бунтах» чувствовалось приближение массового восстания, нарастание революционной ситуации. У порога стояла революция 1917 года.

Центральное в третьей части — это выявление роли и значения Великой Октябрьской социалистической революции в освобождении таджикского народа.

Все острее происходило размежевание двух лагерей: антинародного, в котором объединились все силы реакции — эмир и его окружение, феодалы, крупное духовенство, баи, местная буржуазия и русские белогвардейцы, — и народного, объединившего рабочих, батраков,

трудящихся дехкан, ремесленников, городскую бедноту и народных интеллигентов. Народный лагерь возглавляли большевики.

Это размежевание сил прекрасно выражено в конфликте между джадидом Шокир-ака и батраком Сафар-Гулом.

«Шокир-ака сердито говорил:

— Разве не я поднял вас против эмира?

Сафар-Гулом ответил:

— Извините, не вы, Шокир-ака. Вы не смогли бы,— нас подняли большевики, ветер с большевистской земли, из Ташкента, из Самарканда.

— Что же это вам так понравилось у большевиков?

— Как мы узнали, они берут землю и скот у баев, у богачей и отдают беднякам. Большевики защищают бедняков, тех, у кого нет ни земли, ни воды.

Нахмурившись старик сказал:

— Это тоже непорядок».

Здесь вскрыт глубоко враждебный народу характер джадидизма.

В выступлении русского рабочего на митинге на хлопкоочистительном заводе у станции Кзыл-Тепе, в отповеди, которую этот рабочий дал инженеру, четко выражена линия большевистской партии на поддержку освободительного движения народных масс Бухарского ханства, роль пролетарского руководства в подымающейся крестьянской войне.

С. Аини мастерски воспроизводит в существенных чертах основное содержание этого периода нарастания в Бухаре народной революции и свержение эмира, осуществление национально-колониальной революции нового типа, проходящей под руководством пролетариата во имя интернационализма и являющейся, таким образом, составной частью социалистической революции.

В четвертой части, охватывающей 1920—1924 годы — период Бухарской Народной Советской Республики, показана борьба за закрепление завоеваний народной революции и внутреннее развитие республики, создание предпосылок для перехода к социалистическому строительству. Классовая борьба в кишлаке приобрела еще более ожесточенную форму. Она превратилась в открытую гражданскую войну, борьбу с басмачеством. Едва ли не одними из самых сильных страниц этой части являются те, в которых описываются революционное

перерождение темных ширинских дехкан, их превращение в смелых борцов за народное дело.

В центре пятой части романа — новые формы классовой борьбы в кишлаке, когда кулак лишен средств производства и когда восторжествовал колхозный строй. В этих условиях враг действует исподтишка, пробираясь в колхоз, чтобы подорвать его изнутри. Кое-кто попадает на удочку врага, кое-кто перегибами содействует ему. Но Коммунистическая партия учит колхозные массы борьбе за светлое будущее.

Ярко показан острый конфликт между замаскированными кулаками и подкулачниками, с одной стороны, и передовыми колхозниками — с другой. Столкновением характеров, показом бурных колхозных будней создает С. Айни верную картину победы социализма в кишлаке, и в этом находит свое завершение основная идея романа.

С. Айни удалось раскрыть *внутреннее содержание исторического процесса* на протяжении более чем ста лет. Писатель не ограничивается тем, что показывает отдельные черты и стороны каждого периода. Он всегда выявляет именно то, что составляет наиболее существенное для этого отрезка времени, основные объективные закономерности, расстановку классовых сил, нарастание революционного сознания масс, решающую роль Коммунистической партии. В этом заключено огромное познавательное значение романа.

В типичных обстоятельствах С. Айни рисует и типические характеры двух социальных лагерей.

Общее для всех персонажей в лагере реакции — это их бесчеловечность. И хотя у них всех она проявляется по-разному, но всей силой своего рисунка С. Айни убедительно доказывает, что враг не имеет права на высокое название Человека. Враг — это низменное существо, вызывающее не только ненависть, но и презрение. Таковы все без исключения персонажи в лагере реакции, начиная со старца Кылыч-Халифы, кровожадного духовника-суфия, перебирающего четки и замышляющего невероятные муки для своих будущих рабов, и кончая кулацким змеенышем, обольстительной Кутбией, задыхающейся от собственной злобы.

С. Айни изображает три поколения, иногда даже в одной семье. Первое поколение живет в период господства феодальных отношений. Читатель видит всю лест-

ницу феодальной иерархии. Во главе ее сам эмир бухарский Хайдар, который «славился набожностью и воздержанностью». С. Айни показывает, какое опустошенное сердце скрывалось под напыщенной внешностью палача, развратника, морального ничтожества. Далее следуют эмирские сановники, феодалы типа Абдурахмана-Сардора, налетчика, разбойника, работоторговца, богатые феодалы-купцы типа скупщика хлопка — рабовладельца Абдуррахим-бая, «который обсчитывает и хлопкоробов, и весовщиков, и русских фабрикантов», замышляет планы «разведения» и размножения рабов; их приказчик, верный пес и заплечных дел мастер, захребетник Наби-Палвон, клеймящий рабов, как скот. На низшей ступени этой лестницы — феодальная челядь: мелкие чиновники, маклеры, полицейские, титулованный и нетитулованный духовный и светский сброд нечестивцев, мздоимцев, доносчиков, обманщиков и дармоедов. Вся эта свора поддерживается реакционным духовенством, ревнителями шариата, руководителями суфийских братств. Особой силы разоблачения достигает С. Айни при выведении на чистую воду всевозможных «святых отцов». Незабываем по силе выразительности портрет суфийского шейха, старца Кылыч-Халифы.

Второе поколение — это преимущественно новоявленные баи, чье обогащение в большей мере связано с развивающимися капиталистическими отношениями. Наиболее характерной фигурой является Урмон-Палвон. Это достойный сын Наби-Палвона, байского приказчика. С. Айни вместе с тем показывает, что в Бухаре продолжали господствовать феодальные отношения, и кулаки — урмонпалвоны, амины, арбобы, деревенские старосты — теснейшим образом связаны с эмирскими чиновниками-амлякдарами, со всей феодальной кликой. Скрытно действуют и потому более опасны недобитые кулаки типа Ходжа-Назара и Урун-бая, пробравшиеся в колхоз и лишь впоследствии разоблаченные.

Разгром басмачества, а позже ликвидация кулачества как класса знаменовали конец старого паразитического поколения.

Третье поколение классовых врагов — это кулацкие дети и выкормыши. Таковы дочь Урун-бая Кутбия и его воспитанник Хамдам — «Форма». Эти «отреклись» от своих родителей и прикинулись примерными колхозниками. Они особенно тонко орудуют, вредя в колхозе, за-

таив бешеную злобу к новым порядкам и вынашивая мечты о том, чтобы вновь вернуться к былому богатству и роскоши. С. Айни мастерски изобразил эти осколки кулачества.

Таков портрет класса эксплуататоров.

Лагерю темных сил противопоставлен лагерь людей труда, галерея честных, простых людей — положительных героев романа. Здесь также представлены три поколения внутри одной семьи — дед, отец и сын. Речь идет о рабе Некадаме, его сыне батраке Эргаш-ака и внуке комсомольце-колхознике Хасане.

Первое поколение — это рабы и рабыни. Среди них смелый Ашур, организатор неудавшегося побега рабов из неволи, безропотные Фархад и Хошим, приветливый Ачил, несчастная Зебо и ласковая жена Некадама — Гульсум.

Во втором поколении — друзья и товарищи Эргаша, дети рабов и бедняки — Сафар-Гулом, Кульмурод, Сияркул, Мухаббат, безземельные дехкане, ширинец Носир и другие.

В третьем поколении — комсомольцы Хасан и Фатима, колхозная молодежь.

Мучительна и тяжела была судьба рабов, их хозяева не только вытягивали из них последние жилы, но пытались убить в них чувство человеческого достоинства, превратить в бессловесное, безропотное выючное животное.

Потрясающи картины клеймения семилетнего ребенка Некадама при захвате его в рабство, надевания на рабов колодок с кандалами, разлучения родителей с детьми, жен с мужьями, зверской эксплуатации их. Но именно в среде людей, замученных подневольным трудом и издевательствами, сохранились сердца, исполненные великого благородства и чистоты. Таков Некадам с его целомудренной и нежной любовью к Гульсум, с его трогательной привязанностью к памяти своей сестренки Зебо.

В образе другого раба — Ашура писатель показывает, как зреет среди униженных и оскорбленных возмущение и готовность к борьбе.

Эргаш, сын Некадама, родился уже после освобождения его отца из неволи (отмена рабства произошла по договору России с Бухарой). После смерти отца он остался работать на клочке неплодородной земли у он-

сохшего русла Джильвон. Но и с этой бесплодной земли, у этих горемычных людей взимались подати, вконец разорявшие бедняков.

Уже при первом своем появлении в романе Эргаш рисуется человеком пытливым, ищущим справедливости, печальником о нужде таких же бедняков, как и он сам. Он идет в усадьбу Урмон-Палвона, разыскивает амлякдара, чтобы уговорить его справедливо отнестись к расчету налогов. Эргаш верит еще в человечность эмирских чиновников. В усадьбе Урмон-Палвона он получает два предметных урока. Самого хозяина он не застал. Зато он увидел, как в жару, в вонючей конюшне под замком сидит два дня без пищи и воды брошенный Урмон-Палвоном в темницу невинный крестьянин.

«— А что, ему и хлеба и воды не дают? — спрашивает Эргаш конюха. Тот отвечает:

— Вчера я дал ему чашу воды и кусок своей лепешки. Об этом узнал Урмон-Палвон. Он запер конюшню на замок и ключ положил себе в карман. «Этому вору, — говорит, — разрешается валяться только в собственных нечистотах».

Таков первый урок, полученный Эргашем, ищущим справедливости у эксплуататора. Но он получил тут же в беседе с конюхом и другой урок. Конюх рассказывает об организованном протесте конюхов, заставляющем хозяев считаться с ними. «Конюхи добились лучшего положения своим единством. А дехкане-бедняки боятся поднять голову и сами губят себя».

Мы видим далее Эргаша при объезде полей Урмон-Палвоном с амлякдаром — сборщиком налогов для определения податей. Не выдержав произвола со стороны Урмон-Палвона и подбодренный поддержкой окружающих крестьян, Эргаш вырывает плетъ из рук Урмон-Палвона и набрасывается на него. Он хлестал и приговаривал: «Твой отец, Абдуррахим-баев приказчик, плеткой шкуру сдирал. Получи сдачи, змееныш».

Эргаша бросили в темницу. После выхода из тюрьмы он вновь продолжает тянуть лямку батрака, пастуха, но внутренне он преобразился. Эргаш беседует с другими пастухами и бедняками, такими, как Кульмурод, Сафар-Гулом. Они узнают о том, что большевики раздают помещичью землю крестьянам. Это открывает им всем глаза на жизнь, учит их солидарности. Эргаш убеждает от своего хозяина.

К моменту народной революции 1920 года в Бухаре Эргашу было уже около 50 лет. Большевистские листовки говорят о том, что настал час восстания. Эргаш рассказывает содержание листовок своим товарищам-беднякам и призывает их к борьбе с эмиром.

После победы революции Эргаш возвращается к мирной жизни. Он не сразу понял, что борьба только начинается, и вновь чуть не попал в руки к Урмон-Палвону, «перекрасившемуся» и ставшему «начальством» в кишлаке. Но Эргаш быстро разбирается в кознях врага и в новых формах борьбы. Он глубоко верит в революцию и умеет различать политику Коммунистической партии от отдельных ее извращений на местах. Поседевший Эргаш берет в руки винтовку и идет сражаться против басмачей. С ним его старшие товарищи и братья — русские красноармейцы и их командир. Эргаш становится командиром партизанского отряда. Теперь его не обманут происки врагов. Это Эргаш разоблачил врага, прикинувшегося советским старостой. Это он помог выследить басмаческую шайку и полностью разгромить ее.

Так Эргаш вырастает в сознательного коммуниста, вожака масс. Он является одним из первых организаторов колхоза. Эргаш показан как цельный, благородный, справедливый, душевный отец не только родного сына, но и всей молодежи. Он не кичится своими заслугами. Всю жизнь он боролся за справедливость, завоевал ее вместе с народом.

Память о Некадаме звала Эргаша к справедливости, сделала его борцом за правду, за народное дело. Таков этот обаятельный образ таджикского большевика.

Ярко и жизненно начерчены С. Айни женские образы. Вот Мухаббат в первые годы Бухарской Народной Советской Республики. Она работает прислугой на кухне у бая Палвон-Араба. Разузнав о предполагаемом выступлении собиравшихся у ее хозяина басмачей, она дает возможность Сафару — своему возлюбленному — предупредить об этом красноармейский отряд.

Мухаббат и Сафар убегают от басмачей. Сафар в партизанском отряде, Мухаббат ему помогает.

Потом мы встречаемся с ней уже в обстановке свободного труда.

Живая, скромная, простая в отношениях с людьми, откликающаяся на их нужды, Мухаббат всей душой от-

дается общественной работе. Она работает в Союзе бедноты, идет на выполнение опасных заданий, первая из женщин окончила курсы трактористов... Мухаббат — это новая, свободная таджикская женщина, первая активистка в колхозе. Беспощадная к врагам, добрая и ласковая мать колхозной молодежи. Трогательна ее любовь к Фатиме и Хасану, ее забота об их счастье. Глубоко человеческий образ Мухаббат подкупает своей правдивостью и лиричностью.

Галерея положительных героев не исчерпывается характеристиками отдельных действующих лиц, ибо у С. Айни выступает *герой нового типа* — сам народ. Он, этот коллективный герой, включает в себя все отдельные образы всех трех поколений и, кроме них, множество других героев, как названных в романе по имени, так и безымянных.

Именно этот коллективный герой является центральным в романе. Его черты во всей их многообразности, порою в их противоречивости, в развитии и изменении и рисует С. Айни.

Вспоминается замечание известного писателя-педагога А. С. Макаренко, который говорил, что к существующим литературоведческим понятиям следовало бы добавить кое-что, «принимая во внимание те категорические изменения, которые произошли в нашем обществе... Впервые в истории родился настоящий человеческий коллектив... Гораздо важнее, чем раньше, стали категории связи, единства, солидарности, сочувствия, координирования, понимания зависимости внутренней и многие другие, которые, в отличие от образа (индивидуального. — *Авт.*), можно назвать «междуобразными» категориями. Коллектив — это не простая сумма личностей, в нашем коллективе всегда что-то рождается новое, живое, только коллективу присущее, органичное».

В романе С. Айни масса — это коллектив действующих лиц.

С. Айни с болью и гневом изображает забитость, темноту народных масс Бухары в конце XIX века. Рабами являются не только похищенные и проданные на базаре невольники. Рабом был народ. Но лишь небольшая часть его теряла в рабстве свое человеческое достоинство и становилась холопами, послушным стадом, идущим за своими лживыми пастырями, подобно той толпе зевак, которые ожидали выхода эмира с милостыней или, разинув

рты, восхищались «святыми отцами». Таких меньшинство, и не они выражают дух народа.

В недрах народа живет острый ум, вековая мудрость, живая критическая мысль и неистребимое стремление к счастью, дух протеста и готовность к борьбе.

С. Айни изображает эти черты не только в образах отдельных лиц — Рустама-усаха, Сафара, Шоди, Рустама-ашки и других, но и в массе крестьян-бедняков, остро-словащих и бунтующих, действующих вопреки всему, идущих на казнь, на пытки, на смерть, но не покоряющихся. Народ в массе своей в старой Бухаре еще безмолвствует, но дух его выражают именно эти смельчаки, а в молчании народа ощущается затишье перед грозой. И эта гроза наступает: Великий Октябрь, народная революция 1920 года и великий перелом в деревне 1929 года.

Народ закалялся в горниле революции. С. Айни показывает нам преображенный народ. И здесь также дело не только в отдельных героях — Сафар-Гуломе и Мухаббат, Хасане и Фатиме. Здесь масса. Мы видим, что еще не всегда отделился шлак от плавки. Встречаются и такие, кто еще не изжил в себе рабскую покорность перед хозяином (батраки Бобо-Мурода), и такие, кто лишь в результате больших колебаний находит себя (средняк Содык), и такие, в которых чванство убивает подлинный народный дух (председатель райсовета Шошмакул). С. Айни ничего не идеализирует, не приукрашивает, он показывает и пережитки старой психологии. Но благодаря всей этой грандиозной перековке характеров осуществляется рождение новых людей, несущих в себе черты новой психологии — смелость, честность, душевность, активность, коммунистическую сознательность.

Эти черты выковываются в труде, в преодолении трудностей, в социалистическом соревновании. И самое ценное состоит в том, что этот дух народа выражают уже не только относительно немногочисленные передовые люди из народа, его авангард, а то, что такие передовые люди составляют массу. В этом сказывается преобразующее действие революции и идей коммунизма.

В. И. Ленин указывал, что до революции развитию сил народа мешало «неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения». Лишь после революции удастся «развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в наро-

де — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».

Проблема положительного героя, одна из основных проблем социалистического реализма, разрешена С. Айни в наибольшей степени именно в создании им *образа коллективного положительного героя — народа*.

Идея романа и его направленность определили выбор художественных средств писателем. Роман «Рабы», как уже отмечалось выше, — это эпопея, и основное его художественное качество — монументальность.

Роман охватывает период более чем в сто лет, в нем огромное количество действующих лиц и множество основных героев, в нем изображены четыре революции. Отсюда все в романе дано в крупном плане, резко очерченными линиями, яркой краской, чтобы ничего не оставалось в тени, чтобы все было договорено до конца. Сумев в изображении событий и лиц сосредоточить внимание на главном, писатель не расплылся в деталях и вылепил живые, а не схематические образы.

Композиция романа, как мы уже видели, очень стройна; строгая последовательность по периодам, представляющим поворотные пункты истории, строгое выделение внутри каждого периода его кульминационного пункта, сосредоточенность на изображении роста революционного самосознания.

Действие нарастает стремительно, и поэтому само раскрытие образа героев во многом достигается драматургическими приемами: поступки и слова героев преобладают над авторской речью.

Может иногда показаться слишком беглой обрисовка того или иного отрицательного персонажа; но скупые и резко очерченные портреты отдельных лиц создают достаточно рельефный облик целого слоя. Сатирическая острота, умение пригвоздить врага уничтожающим смехом делает этот облик более выпуклым и вызывающим ненависть и презрение.

Может быть, иногда кажется скудным показ положительных героев, но их много, это сам народ, и отдельные герои — это лишь отдельные черты в портрете народа; показать народ во весь рост — именно это и имеет в виду писатель.

Роман «Рабы» написан иначе, чем многие другие реалистические романы, чем другие произведения самого С. Айни. Это героическая эпопея, у которой своя «мело-

дия», и к оценке ее нужно подходить именно с учетом монументальности всего произведения. В задуманном писателем романе об истории таджикского народа именно такое художественное решение оказалось наиболее правильным.

Роман «Рабы» глубоко национален, в нем много литературных приемов, специфических для таджикской прозы, вставные новеллы-притчи, стихи и песни. Он весь искрится народной мудростью таджикских пословиц и поговорок.

Это книга о жизни, о борьбе за счастье народа, о путях к этому счастью. Именно так воспринимает ее советский читатель на русском языке и на языках других народов СССР. Так ее будут читать простые люди за рубежом, которые ищут справедливости, как искал ее Эргаш — сын раба, освобожденный и преображенный революцией, как нашли ее миллионы людей разных национальностей под солнцем Советской страны.

Классическое совершенство

В 30-е годы С. Айни, кроме «Рабов», опубликовал повесть «Ахмад — покоритель дэвов» (1928 г.), очерк «Колхоз Коммунизм» (1934 г.); рассказ «Старая школа» (1935 г.), сборник стихов «На память» (1935 г.), очерк «Исторический праздник» (1936 г.), повесть «Смерть ростовщика» (1937 г.), очерк «Краса мира» (1939 г.), повесть «Ятим» («Сирота», 1939 г.) и поэму «Борьба человека с водою» (1937 г.).

Для оценки творчества этого периода большое значение имеет выступление С. Айни на Первом съезде советских писателей в Москве в августе 1934 года. С. Айни говорил:

«...У нас теперь налицо все условия для мощного роста и развития нашей молодой литературы. Нам надо поднять нашу художественную литературу на высокую ступень мастерства. Да здравствует наша высококачественная, прославленная во всем мире советская литература».

Творчество С. Айни всегда устремлено вперед, в новое, будущее. Побег коммунизма, рост советских людей — вот что привлекает прежде всего писателя. Но

вместе с тем он всегда обращается и к прошлому, чтобы правдивым описанием мрачного прошлого таджикского народа ярче показать, как прекрасна его советская действительность, как лучезарно его коммунистическое грядущее.

Вот что писал С. Айни о своем романе «Рабы»: «Я писал этот роман о судьбах моего народа, о жизни прежних поколений, но, признаться, взгляд мой меньше всего был обращен в прошлое. Моя мысль устремилась в будущее. Эта книга о прошлом написана как завет для будущего, потому что история только тогда имеет смысл, когда в руках людей она становится орудием борьбы за будущее».

Углубляясь ли в прошлое, рисуя ли современность, С. Айни на первый план всегда выдвигает бессмертную фигуру народа — творца истории.

В очерках С. Айни описывает историческое прошлое таджикских городов и сел: старые варварские обычаи, верования, жестокий гнет, которому подвергалось население; с чувством восхищения он рассказывает о героической обороне Ходжента (Ленинабада) от войск Чингисхана, о строительстве древних чудесных подземных каналов (кяризов) вблизи Пенджикента, о смелых людях, которые и в старое время смеялись над рассказами о дэвах. Любовно рисует он новый быт и новую колхозную жизнь, торжественную картину вручения актов на вечное пользование землею в Пенджикенте, расцвет культуры в Ленинабаде.

Примечательно, что после Октября С. Айни, воодушевленный победой революции, желая высказать все, что накопилось у него на душе, почувствовал, по собственному признанию, что ему тесно «в четырех стенах классического стихосложения», его метров и рифм. Он обратился к прозе, к роману. К 20-летию же Октября, в 1937 году, воодушевление С. Айни грандиозными итогами социалистического строительства отлилось в стихотворную форму — он создает поэму «Борьба человека с водою». Она написана старинным, искони иранским, свободно льющимся метром «мутакориб», которым сложил свою бессмертную «Шахнаме» великий Фирдоуси. По своему характеру поэма «Борьба человека с водою» представляет собой «достон» (эпическое сказание) о выдающихся делах, днях и людях Вахшстрая.

В повести «Сирота» С. Айни рисует судьбу таджик-

ского юноши, прибегая к тому же приему, что и в романе «Дохунда», к ретроспективной экспозиции. Он начинается с «середины», с показа того, как сирота Шоди в 1921 году вынужден был вместе с эмигрантами, сопровождавшими удиравшего в Афганистан бухарского эмира, уйти с насиженных мест. Мальчик с трудом, чуть не утонув, перебирается на чужой берег.

После этого С. Айни возвращается к «началу» и, словно разматывая клубок событий, переходит к рассказу о том, кто же такой сирота Шоди (Ятим).

Первая часть повести посвящена показу тяжелой доли Ятима на чужой земле, у жадных хозяев. Ятим все время стремится вернуться на родину. До него дошли смутные слухи о том, что «какие-то большевики установили по ту сторону реки совсем иные порядки, без хозяев и баев». Он много терпит за свои попытки вернуться на родную сторону, наконец, это удается ему. Перебравшись вплавь через реку, он попадает на заставу, к советским пограничникам.

Во второй части книги рисуется жизнь Шоди у пограничников, заменивших ему отца и воспитателя. Среди этих простых и мужественных людей — русских и таджиков — вырастает Шоди и сам становится советским бойцом-пограничником.

Заканчивается повесть описанием поимки группы контрабандистов, пытавшихся перебраться через реку, отделявшую два государства, два мира. Активную роль в поимке нарушителей границы играет Шоди, рискующий при этом своей жизнью. Действие происходит в 1931 году. Пойманными оказались бывший хозяин и убийца отца Шоди. Контрабандисты пытались перевезти оружие для басмаческой банды Ибрагим-бека. Тем временем на погранзаставу приходит известие о том, что и банда Ибрагим-бека ликвидирована, а атаман ее пойман краснопалочниками.

Неожиданно пограничница Наташа замечает, как через реку пытается перебраться неизвестная женщина-таджичка. Наташа помогает ей и спасает из бурлящей реки. Женщина оказывается матерью Шоди. Воспользовавшись отсутствием своего хозяина и «мужа», она пустилась на поиски сына и нашла его у советских пограничников.

Огромной творческой удачей писателя была появившаяся в 1939 году другая его повесть «Смерть ростов-

щика»¹, где с исключительной психологической глубиной выведен образ скряги — ханжи Кори Ишкамба, своеобразной помеси Плюшкина и Иудушки Головлева.

Из двух наиболее отвратительных фигур эксплуататоров в феодальной Бухаре XIX—XX веков — феодала и ростовщика — С. Айни в романе «Рабы» дал законченный портрет первого, показав омерзительное лицо феодала, выявив особенности различных прослоек этого класса. С проникновением и развитием капиталистических отношений в Бухаре все больший экономический вес приобретал и все более ненавистным народу становился ростовщик. Бухарский ростовщик — это ханжа, лицемер, прикрывающий свое грязное ремесло личиной благодетеля.

С. Айни не снабдил своего скупца ни одной положительной чертой. Он скуп и весь во власти своей скупости. Но он ни в коей мере не схема, не абстракция, не символ, он конкретный, живой человек, исполненный многих пороков; он и скуп, и лицемерен, и бессердечен, и прожорлив, и смешон.

Лицемерие и ханжество Кори Ишкамба связано прежде всего с его религиозностью. С. Айни во всех произведениях (начиная с повести «Бухарские палачи») особенно беспощаден в обличении лицемерных духовных отцов. Он показывает, как под личиной правоверного мусульманина скрывается хищник, душегуб. Вспомним Кылыч-Халифу из «Рабов». Чем выше духовный сан такого хищника, тем глубже бывает подлость носителя сана. Кори Ишкамба — это «кори», т. е. профессиональный чтец корана. С этой профессии и начинаются его дебюты во лжи и коварстве, он лжец-профессионал. Мало того, мечеть он посещает не обычную, а такую, где читают тексты крупнейшего мистика XIII века Джалалиддина Руми (Мавлави). Этой небольшой как будто деталью С. Айни вскрывает все лицемерие «веры» ростовщика: святейшая, утонченно-мистическая проповедь и грязные махинации ростовщика! Какое трогательное и — это главное — органическое единство!

Этот «брюхач» Кори Ишкамба отвратителен и физически: «он весь целиком походил на громадный желудок, только что вынутый из освежеванного верблюда»,

¹ «Смерть ростовщика» написана в 1936 г. и начала публиковаться частями в 1937 г.

за что и прозван был «ишкамба», т. е. «желудок», «брюхо». В своей жадности, скотстве, скряжничестве, в отсутствии каких бы то ни было человеческих качеств он вместе с тем ничтожен и смешон.

«Безобразие — начало, сущность комического», — писал Н. Г. Чернышевский и разъяснял: «...безобразное... возбуждает смех над своими глупыми притязаниями, своими неудачными попытками...»

Сочетание в Кори Ишкамба плюшкинской мелочной скупости и грязи с головлевским ханжеством и миной святого делает его смешным во всех его действиях и проявлениях, вызывающим омерзение и смех.

«Неприятно в комическом нам безобразие; приятно то, что мы так проникательны, что постигаем, что безобразное — безобразно. Смеясь над ним, мы становимся выше его... Комическое пробуждает в нас чувство собственного достоинства...»

В «Смерти ростовщика» С. Айни поднялся на высоту той социальной сатиры в разоблачении старого мира, которую Н. Г. Чернышевский считал самым главным и основным направлением в литературе, вершащим свой суд над режимом угнетения и деспотизма. Приемы гиперболизации, гротеска, применяемые С. Айни, заслуживают своего особого разбора и изучения. Здесь следует лишь отметить, что при всем этом выведенный им тип бухарского скряги реалистичен вплоть до малых деталей, можно сказать, документально точен в мельчайших проявлениях. И вместе с тем сила социальной сатиры, вложенная С. Айни в свое произведение, дала ему возможность создать в галерее скупцов, служителей чистогана, известных мировой литературе, собирательный образ капиталистического стяжательства столь большой степени обобщения.

Приходит на память другой классический скупец — Гобсек Бальзака. Их сравнение помогает выявить существенные особенности метода социалистического реализма.

Образ Гобсека внушает ужас роковой неумолимостью грязных «деяний» всесильного скупца, рыцаря наживы. Это — образ царя золота и денег. Стряпчий, от чьего имени ведется в повести рассказ о Гобсеке, описывает впечатление, произведенное на него тирадой Гобсека о своих проделках: «Я вернулся к себе в комнату совершенно ошеломленным. Этот высохший старикашка

вдруг вырос в моих глазах, стал фантастической фигурой, олицетворением власти золота. Жизнь и люди внушали мне в эту минуту ужас».

Образ персонажа «Смерти ростовщика» Кори Ишкамба не менее гадок, но он внушает не ужас, а презрение и сознание его ничтожества и исторической обреченности. Это не царь, а раб золота и денег.

Силой смеха, своей беспощадной сатирой С. Айни убивает скрягу еще до его физической смерти в повести, даже тогда, когда изображает «удачи» Кори Ишкамба.

С. Айни оставался недоволен некоторыми сторонами своей повести, как он сам об этом писал в предисловии к переработанному им в 1952 году изданию: «Это произведение несколько раз издавалось на таджикском языке, а также в русском переводе, и советские писатели дали ему высокую оценку, критиками также не были указаны существенные недостатки его. Однако, когда я самокритично прочитал первое таджикское издание, я обнаружил серьезный недостаток в этой книге: этот недостаток главным образом состоит в том, что в изображаемых в этой книге событиях мало участвует народ».

С. Айни существенно переработал и дополнил книгу: он раскрыл ростовщические махинации с векселем, опутывающие дехкан и разоряющие их, показал «сельских коллег» городского ростовщика Кори Ишкамба, вывел образы трудящихся дехкан Хамро Рафика, Шодмона, Мухсина и других, показал, как назревает в дехканской среде сопротивление ростовщикам.

Гобсек умирает от старости, Кори Ишкамба умирает от апоплексического удара, когда узнал, что победившая революция национализировала банки. Это не абстрактный символ. Конец бухарского ростовщика естественно вытекает из всех типически изображенных условий его существования. Так должен умереть и так умрет старый мир стяжательства. Таков объективный закон истории. Это сумел сказать языком образов С. Айни, и в этом сумел он убедить своего читателя...

* * *

Наступили дни Великой Отечественной войны. В сплоченной семье народов СССР таджикский народ развернул свои разбуженные Октябрьской революцией

силы, проявил свою готовность и способность на ратные и трудовые подвиги.

С первых же дней войны С. Айни включился в героическую борьбу советского народа. На митинге, состоявшемся на площади Регистана в Самарканде, С. Айни в горячей речи призывал трудящихся отдать все свои силы на борьбу с врагом, беречь колхозы и заводы, станки и инструменты, как боец бережет винтовку. «Мы все должны помнить, — говорил он, — что каждый лишний килограмм зерна и хлопка, каждый новый станок, пулемет, танк, самолет укрепляет нашу мощь, обеспечивает быстрейшую победу над врагом».

Весь свой многогранный талант, все свое творчество С. Айни сосредоточил в дни войны на одной цели — воодушевить народ на победу. Он искал и находил все новые изобразительные средства, чтобы глубже проникнуть в народную душу, чтобы затронуть в ней лучшие струны. Он приравнял к штыку и свой патетический стих с его то гневной, а то и торжественной интонацией; и острое слово публицистической статьи, порою насыщенной восточной вековой мудростью или искрящейся злой сатирой; и впечатляющие образы своей художественной прозы; и веские аргументы научных очерков; и страстную речь народного избранника.

Уже в первой публицистической статье военного периода «Чингиз XX века» С. Айни нашел доходчивый для народа образ, характеризующий германский фашизм и его фюрера. Это было ненавистное имя «Чингиз», с которым связано столько бедствий в истории таджикского народа. Слово «Чингиз», словно клеймо, выжженное на лбу врага, возбуждало в советском народе священную ненависть к фашистским захватчикам. Статья заканчивалась словами: «...в день, когда людоед Гитлер, коварно нарушив договор, напал на нашу страну, мы уже знали, что его судьба предрешена и сила его будет уничтожена... В недалеком будущем мы разобьем этого Чингиза XX века и похороним в одной могиле с Чингизом XIII века».

Другие публицистические статьи были написаны в форме простой задушевной беседы старшего друга с внимательно прислушивающейся к нему аудиторией. Одна из статей напоминает собою нравоучительный «насихат» (назидание) с заключительным силлогизмом: «Вредителей нужно уничтожать; немецкие фашисты —

это вредители, немецких фашистов нужно уничтожать». Такая форма публицистических статей С. Айни придавала им особую убедительную силу.

В художественно-исторических повестях С. Айни пишет о далеком прошлом, но, как всегда, при этом он обращен к настоящему, к современным задачам. Такова прежде всего повесть «Герой таджикского народа Тимур-Малик» о славном защитнике Ходжента от полчищ Чингисхана. Читающий эту повесть не может не переключиться мысленно на события Великой Отечественной войны.

Героизм Тимур-Малика невольно перекликался в сознании читателя с богатырскими подвигами ходжентца (ленинабадца) Тешабоя Одилова — мужественного защитника Ленинграда в дни Великой Отечественной войны.

Патриотической идеей пронизана и другая историческая повесть С. Айни — «Восстание Мукаллы». В ней рассказывается о героической борьбе предков таджикского народа против чужеземных завоевателей VIII века. Но и эта повесть, написанная со всей тщательностью исторического исследования, всем своим содержанием, своими художественными образами переосмысливалась читателями как гневная прокламация против фашизма, как страстный призыв не пожалеть своих сил для защиты Отечества.

Закончилась война, и С. Айни ознаменовал победу торжественной одой «Сказание о войне и победе».

И, как всегда, в дни мира и в дни войны, С. Айни, окруженный учениками и соратниками, считал себя солдатом Родины, который обязан своим примером, своим опытом и талантом помогать товарищам по художественному слову доносить до сердец читателей слово Коммунистической партии, ее призывы. С. Айни возглавил подъем таджикской литературы в годы войны, развившийся и в поэзии (в стихах А. Лахути, М. Турсунзаде, Х. Юсуфи, М. Миршакара, М. Рахими), и в сатире (Рахим Джалила и Дж. Сухайли), и в драматургии (Джалоло Икроми и других). Именно в годы войны таджикская литература прошла не только испытание, но и свое творческое созревание. В поэзии изжились элементы риторичности, конкретнее, доходчивей, более впечатляюще стал показываться советский человек, его высокие чувства и стремления. В прозе таджикские пи-

сатели повышали свое мастерство в психологическом раскрытии в военных очерках и новеллах характеров советских людей. Интересно, что С. Айни в неутомимых поисках все новых примеров героического прошлого таджикского народа собирает в эти годы материалы о народных восстаниях в Таджикистане, о крестьянском движении в Каратаге во главе с кузнецом Табарзином.

С ростом народа-победителя, с ростом родной литературы совершенствовался и талант приближавшегося уже к семидесяти годам С. Айни. Старость не коснулась его творческого духа. Он доказал это в послевоенные годы.

Последние годы

В большой и как всегда разносторонней работе С. Айни в послевоенные годы центральное место занимают его «Воспоминания», вышедшие в четырех частях в 1949—1954 годах. Первые две части были посвящены 20-летней годовщине республики, а четвертая — 25-летию ее. Это последнее произведение Садриддина Айни, написанное с большой страстью, представляет вершину его творчества.

Если попробовать одним словом определить содержание большой жизни С. Айни, то этим словом будет — правда. Он нашел ее — большую, единственную, преобразующую мир правду коммунизма. Он присягнул ей на верность и почти сорок лет неутомимо искал лучший способ выражения этой правды художественными средствами. Каждое новое произведение С. Айни — это новая попытка донести до сердца читателя выстраданную писателем правду.

В этом смысле можно сказать, что в творчестве С. Айни преобладает одна тема, которую он все время углубляет, это — тема таджикского народа, воскресшего и преображенного революцией. Вот что пишет по этому поводу сам С. Айни: «В течение своей жизни я написал немало книг, и все они были посвящены одной теме, сложены из одного и того же жизненного материала».

Основоположник классической поэзии (X в.) Рудаки некогда писал, как бы доверительно посвящая друзей

в сделанное им чудесное открытие: «Как поглядишь, жизнь-то вся, от начала и до конца, один поучительный урок». С. Айни пришел к такому же открытию и всегда стремился новыми книгами помочь читателю найти ответ на вопрос: как жить? Умудренный опытом, преобразенный, как и весь его народ, хочет старый писатель всем поведать об этих уроках жизни и находит самый верный способ донести до читателя правду жизни: рассказать эту правду чистосердечно, без прикрас, без всякой искусственности. И тогда С. Айни написал воспоминания — простую правду о своей жизни.

Но «Воспоминания» С. Айни — это не просто исповедь. Правдивость «Воспоминаний» состоит не только в тонкой передаче событий, а в проникновении в самую их сущность. Это не бесстрастная летопись, перечисление, пусть интересных, но голых фактов. Это — осмысленное изображение событий, вскрытие их действительного характера и связей, их внутреннего содержания.

Казалось бы, что может быть легче — написать искреннюю повесть о днях своей жизни? Но, как пишет С. Айни в предисловии к первой части «Воспоминаний», он понял, что донести правду до читателя и есть, может быть, наиболее трудное дело. Только накопив огромный творческий, писательский опыт, он почувствовал себя в силах справиться с этой трудной задачей.

В четырех частях «Воспоминаний» отражена определенная эпоха. Это — период, предшествовавший первой буржуазно-демократической революции в России 1905 года. Это эпоха затишья перед грозой, когда народное возмущение не вылилось еще наружу. Самим свидетелям этого времени казалось, что кругом царит мертвая тишина, ничто не колеблется и народ безмолвствует. Но это далеко не так. Удушающая обстановка старой Бухары была предгрозовой и словно предвещала: «буря, скоро грянет буря!» Это сумел понять С. Айни, когда обозревал свой жизненный путь уже в условиях победившего социализма.

Первая часть — это в основном рассказ о деревне 80-х годов. В образах дехкан — отца писателя, дядюшки Устоходжи, Лутфилло Гуппона, Хабибы и других С. Айни показывает, как негибает народ, как сквозь все препятствия пробивается его талантливость, живость ума, воля к жизни, как зреет готовность к борьбе.

Во второй части писатель рассказал, как в отуп-

ляющей обстановке медресе, сквозь, казалось бы, непроницаемые ее стены проникает луч света из России; как в смрадной, темной келье мужает вольнолюбивая мысль учащихся, связанных с «низам», с «простым народом» Бухары.

В третьей части наиболее важным моментом является первое в таджикской литературе описание городской бедноты, роста самосознания ремесленников, которые начинают объединяться и давать отпор эксплуататорам. Кульминационным пунктом можно считать здесь эпизод сожжения литейной мастерской алчного шейха вместе с ее владельцем. Мастерскую сожгли доведенные до отчаяния рабочие. Это — предвестник возмущения бухарских «луддитов» (машиноборцев), свидетельствующий о коллективных формах борьбы. Здесь же писатель говорит и о выступлении «справедливого разбойника» Шукурбека. Таковы стихийные формы нарастающего, еще слепого протеста в Бухарском ханстве. Скоро этот протест станет сознательным. Но это произойдет уже тогда, когда грянет революция 1905 года.

В четвертой части дается, по существу, картина всеобщего возмущения народных масс, нашедшая отклики среди передовых представителей интеллигенции, таких, как мулло Амон, мечтающий о народном восстании против тиранов.

С. Айни рассказал о прогрессивном влиянии русской культуры на таджикское общество, о русских ученых, о стремлении передовых людей Бухары овладеть русским языком, о проникновении революционных идей из русского Туркестана через Самарканд.

Ярким свидетельством нараставшего в Бухаре протеста против эмирско-феодального гнета, отражением идей таджикского просветительства Ахмада Дониша и его единомышленников была своеобразная «школа злословия», группировавшая молодых студентов, которые высмеивали сильных мира сего.

Описывая ужасы старой Бухары, С. Айни не оставляет у читателей чувства подавленности, а внушает им веру в обреченность режима насилия и гнета. Такому восприятию способствует также острая сатира, к которой прибегает писатель при изображении представителей эксплуататорских классов, особенно клерикалов.

Рассказав в «Воспоминаниях» всю правду о старой Бухаре, С. Айни с огромной художественной силой за-

клеймил и разоблачил старый мир угнетения, наживы и лжи, мир тиранов, стяжателей, ростовщиков, коварных церковников, тот ненавистный строй, с которым покончил советский народ.

Очень характерна в этом смысле последняя глава четвертой части — «Путешествие поддельных высокопоставленных сынков».

В этой небольшой главе нарисована комическая картина: группа озорных и безденежных студентов медресе одурачила представителя власти в отдаленном городке — самого «полицмейстера», миршаба. Этот грозный «страж ночи» — собрат гоголевского городничего — предстает перед нами жалким, вызывающим отнюдь не страх, а саркастический хохот. На этом завершаются «Воспоминания».

Под громкий смех расстается С. Айни, а вместе с ним и читатель его «Воспоминаний» с мрачным прошлым Бухары. Это смех победителей.

Вспоминаются слова молодого К. Маркса: «Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество *весело* расставалось со своим прошлым».

Смех С. Айни — это смех победителей, и он не примиряет с теми, над кем смеются, — он выражает уверенность в новых победах над враждебными силами: и сквозь этот смех и уверенность проглядывает будущее. Это будущее подмечается и в чертах героя «Воспоминаний» — маленького Садриддина, и в облике его благородного отца, и в характере зреющего революционера — мулло Амона. Вот почему написанные в форме художественных новелл «Воспоминания» о прошлых годах Бухары обращены к будущему, — точнее, к тому, что уже стало социалистическим настоящим, сегодняшней действительностью таджикского народа.

В «Воспоминаниях» более двухсот действующих лиц, обрисованных иной раз сжато, скупно, но имеющих каждый свой облик.

Сам С. Айни называл свои «Воспоминания» зданием, домом. Нельзя в коротком очерке дать развернутый анализ всей галереи типов *человеческой комедии и человеческой трагедии*, которую изображал С. Айни,

Приходится ограничиться лишь некоторыми соображениями об этом выдающемся произведении, о котором так верно и глубоко высказали свое мнение советские русские писатели, «соратники по оружию» С. Айни.

«В этих «Воспоминаниях», — писал Л. Леонов, — не мелочность и случайность, пусть порой любопытных и интересных фактов, а широкое полотно жизни. По силе художественного обобщения, по глубине и мудрости мысли, по высокому литературному мастерству книга Айни является большим событием в нашей всесоюзной литературе. Несмотря на то, что она обращена по теме к прошлому, книга звучит актуально и современно. Советский читатель воспринимает эту книгу Айни, умудренного богатейшим жизненным опытом писателя с острым горьковским взором и большим чутким сердцем, как оружие в сегодняшней борьбе угнетенных народов Востока против иностранных колонизаторов».

В изображении отрицательных типов С. Айни сосредоточивает свое внимание на разоблачении эмира, крупного феодала-сановника, кровососа-ростовщика и коварных отцов духовных двух видов: «святых» ишанов-шейхов и высокопоставленных богословов — улемов; он показывает десятки персонажей, олицетворяя в них те или иные основные черты эксплуататоров-угнетателей. С. Айни как бы повторяет свои изобразительные приемы, примененные им в романе «Рабы». Каждый из изображаемых типов абсолютно конкретен и при всей своей типичности для определенного слоя общества и времени обладает только ему одному свойственным портретом. Достаточно сравнить ишана, разыгравшего из себя мессию судного дня, и шейха — владельца литейной фабрики, чтобы в этом убедиться.

С. Айни любовно вырисовывает портреты отдельных положительных героев, людей из народа. К ним относятся прежде всего отец писателя, Ахмад Дониш, мулло Амон и сам автор «Воспоминаний» — образ ищущего правдолюбца, поэта, борца. А сколько еще незабываемых, замечательных образов из народа, всех одинаково полюбившихся читателю и вместе с тем по-разному прекрасных, нарисовал писатель!

Композиционно, как верно подметил К. Федин, «Воспоминания» представляет собою собрание новелл: «...С. Айни — это совершеннейший мастер малой формы, каждая глава у которого представляет законченную но-

веллу». При этом, как указывалось, каждый том этих новелл имеет свой стержень, свою кульминацию.

Самые новеллы при этом неодинаковы по рисунку. Иногда внутри новеллы, а чаще в разных новеллах применяются три изобразительных приема: подчеркнуто документированное изображение событий, лиц, предметов, явлений; эпический рассказ, где автор намеренно как бы самоустраняется от анализа излагаемых событий, оставляя читателя одного лицом к лицу с изображаемыми фактами и людьми; при этом автор прибегает иногда к стилизации (например, во второй части — повесть о разбитой любви, излагаемая устами мулло Бурхона); иногда именно такое сухое протокольное изложение самого факта, не смягченное никакой авторской репликой, производит потрясающее впечатление (например, трагически страшный эпизод «Брак десятилетней девочки» в третьей части), лирическая новелла, можно сказать, «стихотворение в прозе» или, точнее, «газель в прозе».

Иным любителям литературных прописей может показаться, что сочетание таких различных стилей создает «разностилье», не предусмотренное в школьных пособиях. Однако непредубежденный читатель сумеет оценить, что в этом «разностилье», отразившем самобытный почерк тонкого мастера, и состоит один из источников обаяния этого произведения, захватывающего читателя с первой и до последней страницы.

О «газели в прозе» нужно сказать несколько подробнее. Автор «Воспоминаний» имел перед собой образцы мемуарной литературы, художественной автобиографии в мировой, особенно в русской литературе (прежде всего для С. Айни это была автобиографическая трилогия М. Горького), и в старой таджикской литературе. Из последней следует назвать интереснейшую историческую летопись-мемуары (нечто вроде дневника) Бейхаки; замечательнейшие автобиографические отступления у Саади в «Бустане» и «Гулистан» (судя по очерку С. Айни о Саади, эти отступления были ему особенно по душе); — наконец, записки мемуарного характера Восифи, которые так любил С. Айни. В «Воспоминаниях» С. Айни, несомненно, обнаруживаются следы творческого восприятия многих произведений его предшественников.

То, что названо «газелью в прозе», мы, однако, не найдем ни у кого из предыдущих писателей, хотя нечто

вроде стихотворения в прозе (иногда рифмованной прозы — «садж») таджикская литература знала: таковы новеллы Саади, Джами.

Прежде всего, в чем особенность и каковы основные черты газели, конечно, не эпигонской, подражательной, а классической — Хафиза, Камоля Худжанди и других? Формально — это монорифмическое стихотворение (рифмовка: аа — ба — ва и т. д.), насчитывающее не более двенадцати двустиший — байтов, преимущественно лирического содержания. Обычно отмечают, что порядок двустиший в газели довольно произволен, их, как правило, можно сравнительно легко переставлять местами, поскольку они не связаны между собой сюжетно, а словно отдельные жемчужины нанизаны на нить монорифмы и метра. В известной мере это верно. Двустишия могут переставляться, и от этого смысл стихотворения и сила его воздействия не изменяется.

В классической газели при отсутствии сюжета наблюдается не только единство рифмы и метра (т. е. формальное единство), но и содержательное единство, единство настроения, которое скрепляет все двустишия в одно стихотворение. От монументального эпического достона газель отличается миниатюрностью не только по объему (например, у Камоля обычно лишь 5—7 двустиший), но и по содержанию: в центре ее стоит отдельная человеческая личность, ее переживания, внутренняя жизнь. Каждый образ, каждая строчка, каждый байт несут следы тщательной отделанности, напряженной взволнованности. Основной образ лирической миниатюры, вмещающий в себе различные мотивы и идейные оттенки, — это образ любви и часто неразрывно с ней связанной ненависти, презрения к врагу. Через этот образ в газели передаются и идеи протеста, в нем отражены и социальные противоречия.

Образ лирического героя газели раскрывается, в отличие от эпоса, не в действиях, а путем показа переменчивого душевного состояния героя. Композиционно в газели особенно выделяется первый байт, он как бы вырвавшийся из души крик, передающий основную идею песни («матла» — заглавие), и последнее, завершающее двустишие («макта» — конец), придающее законченность всему стихотворению. В это двустишие вплетается имя автора газели, возвращающее читателя к восприятию того, что выраженное настроение и переживание —

это душевная боль поэта, а не просто искусно зарифмованные слова.

Наиболее ярким примером «газели в прозе» можно считать в «Воспоминаниях» главу «Смерть отца и матери при эпидемии». С. Айни называет ее «марсией» («траурной элегией»), посвященной матери. Это — новелла о материнской любви и о любви к матери. С. Айни в «Воспоминаниях» несколько раз упоминает о своей матери, и в отличие от рассказа об отце, — пространный и подробный, рассказ о матери краток, содержит всего несколько десятков строк. И в этой новелле прямо о матери говорится очень мало, скупое. И все же во всей книге и особенно в этой главе можно увидеть законченный, вполне определенный, ясный образ матери, безгранично нежной и преданной, стойкой и молчаливой.

В каждом эпизоде присутствует ее образ. Сравнительно подробно рассказывается о том, как болел и умер отец. Был он почти все время без сознания, но всем своим поведением старался не усугублять тягот маленького Садриддина, оставшегося единственным работником в семье. Изредка отец просыпался, выходил из забытья, просил попить и успевал сказать сыну, что нужно делать с джугарой, чтобы она не пропала. И через образ стойкого отца, и в болезни сохранившего свою твердость, проглядывает безропотно жертвенный образ матери, лежащей тоже пластом, но заботящейся только об одном: не быть в тягость маленькому Садриддину, которому и так тяжело. Для себя ей ничего не нужно, было бы хорошо детям, мужу — главе семьи.

Когда отец умер, и мать почувствовала, что и ей недолго осталось жить, она идет на еще большую жертву — соглашается перебраться в дом дяди. Ради счастья детей она идет даже на разлуку с ними в последние дни жизни. Она делает вид, будто ничего особенного не произошло, будто все идет к лучшему. Когда маленький Садриддин не в силах сдерживать рыдания, мать хочет его хоть чем-нибудь утешить, вселить надежду: «Она не плакала, и лишь слезинки сами собой выкатывались из ее полумертвых глаз и текли по исхудалому, пожелтевшему лицу.

...— Жить тебе тысячу лет, — сказала она на прощание сыну». Мать уехала и вскоре умерла. И снова, не упоминая прямо, С. Айни возвращается к ее образу. Утешать сироту приходят его сверстники, Среди них

мальчик Икрам-ходжа. Наивно, по детски простодушные мальчишки «намеком» сообщают Садриддину горькую весть о смерти его матери и по-своему утешают его. У Икрам-ходжи тоже нет матери, у него мачеха. Она не дала ему даже одеяла, чтобы укрыться вместе с Садриддином в поле, где они ночуют возле джугары. И при рассказах о злой мачехе вновь встает перед нами образ родной, любящей матери.

Напряженность этой новеллы-газели доходит до высшего предела, когда ночующий в поле вместе со своими друзьями Садриддин слышит песню пахарей, поющих газель Бедиля об одиночестве:

Тяжелому вздоху подобно,
я стал караванщиком слез.
Глубокой пылающей раны
клеймо в мое сердце вожглось,
И друга я, кроме той раны,
в безумье моем не найду —
В безвыходном мире обмана
один я, как солнце, бреду
О бедный Бедиль! Осужден ты
томиться вдали от друзей.
Ты строчка — без рифмы ответной
На небе печали твоей.

(Перевод В. Державина)

В тиши ночной, сдерживая плач, чтобы не разбудить юных друзей, горевал Садриддин; он не одинок, с ним друзья, но у него... *нет матери.*

И снова переживая щемящую боль сиротства, С. Айни в последнем абзаце новеллы о любви к матери, где так целомудренно скуп, почти без упоминания, о ней говорилось в каждой строчке, в каждом абзаце, — как бы вплетая в заключительный байт «газели» свою личность, свое Я, пишет: «Эта глава представляет собою марсию (элегию) — которую я посвящаю своей матери и в которой я пишу о своих переживаниях 60 лет тому назад. Если эта траурная повесть о беспредельном горе покажется читателям слишком печальной, я прошу их не осуждать меня за это. Ведь я хоть и недостаточно, но постарался выполнить свой сыновний долг перед матерью. Я верю, что читатели простят меня».

Разбор отдельных эпизодов-байтов этой новеллы выявляет в ней и другие черты классической газели: строки презрения к ханжам-духовникам, наживающимся на горе народном, на массовой смертности от эпидемии

холеры; тонкая передача сцены переживаний лирического героя — самого автора новеллы; сжатость, «миниатюрность» новеллы и многое другое — все это и дает основание назвать подобные новеллы «газелью в прозе».

Таковы же и по композиции, и по характеру, и по содержанию, и по формальным признакам новеллы-газели о Хабибе (в главе «В дни школьной учебы»), о старухе, продававшей хлопок скупому Ходжи Зокирбаю (здесь соблюдены все особенности газели сатирического звучания), и другие.

«Воспоминания» — эта замечательная книга С. Айни, стала его «лебединой песней».

Подведем итоги изложенному

Творчество С. Айни, удивительно многогранное, впитавшее в себя всю самобытность национальных художественных традиций, письменных и фольклорных, отражает опыт революционно-созидательной деятельности народа, целую историческую эпоху. С точностью летописца и эмоциональной чуткостью и глубиной большого художника С. Айни воссоздает перед нашими глазами картины прошлого Средней Азии, показывает, как в душешающей атмосфере социального гнета, самодурства, невежества и ханжеского благочиния живет негасимая духовность человека труда, зреют, наливаются силой ростки народного гнева. В повести «Одина», в первом таджикском романе «Дохунда» и далее в многоплановой исторической панораме романа «Рабы» и, наконец, в «Воспоминаниях» мы, читатели, воочию видим разные стадии эволюции жизни народных масс и народного сознания, постепенно идущего к пониманию необходимости открытой борьбы против прогнившего строя. Судьба героев С. Айни отражает не только всю глубину страданий, выпавших на долю народа, она зримо рисует тяжкие поиски правды, долгий путь борьбы, счастье обретенного освобождения.

С. Айни создал целую галерею образов новых людей, борцов за народное счастье, чей светлый пример служил не одному поколению таджикских читателей.

Концепцию героического характера, которой на протяжении всей своей творческой жизни был ве-

рен писатель, с особой силой выражают женские образы его романов и повестей. Таковы Гульнор в романе «Дохунда», Мухаббат и Фатима в «Рабах», Хабиба в «Воспоминаниях». Эти новые женские типы пришли в литературу исторически закономерно. Такими были женщины — борцы Советского Таджикистана, и С. Айни любовно вывел их на страницах книг.

Образы С. Айни близки и понятны читателям разных народов. Вот почему творчество таджикского писателя вышло далеко за пределы Таджикистана да и всей нашей Советской страны. Лучшие его произведения переведены на многие языки мира. Ученые посвящают таджикскому писателю исследования, европейская и восточная зарубежная пресса публикует о С. Айни очерки и критические статьи.

Огромную роль сыграл С. Айни как воспитатель таджикских писателей. С полным основанием можно сказать, что им создана в национальной литературе, в таджикской прозе новая школа, к которой принадлежат видные наши писатели Джалол Икрами, Рахим Джалил и другие. Внимательно, по-горьковски заботливо и требовательно С. Айни воспитывал молодые таланты, направляя их первые литературные шаги. У него была редкая способность замечать проблески дарования в несмелых, ученически-робких сочинениях начинающих литераторов. И он неустанно выращивал эти дарования, укреплял их своей доброй строгостью (или строгой добротой!), вовремя подсказанным советом, бережной редактурой, личным примером неистощимой работоспособности.

Тонкий знаток родного языка, языка поэзии и живой народной речи, С. Айни своим литературным творчеством, статьями, письмами к писателям, публичными выступлениями утверждал процесс демократизации языка, боролся за доступность и образную выразительность художественного слова.

Сочный, насыщенный бытовой лексикой язык С. Айни стал основой современного таджикского национального литературного языка. Следует отметить, что вообще национальное и интернациональное органически слиты и в содержании и в форме его творчества, слиты на основе интернационалистического художнического сознания.

Существо литературного творчества С. Айни составляет его гуманистическая концепция человеческой лич-

ности, художественное изображение им многих граней человека.

Таково, например, *изображение человека-героя, борца со стихиями и покорностью*.

В одной из ранних повестей, написанных еще в 1928 году, С. Айни вывел образ смелого юноши, не убоявшегося дэвов: «Ахмад — покоритель дэвов». Богоборческий мотив отразился у С. Айни и в остротатирической антиклерикальной тематике многих его произведений. Героика борьбы со стихиями ярко выражена в поэме «Борьба человека с водою» (1937 г.), написанной в традиционной форме богатырского эпоса.

Другая грань — это *человеколюбие и сострадание*. Воплощение этих чувств видим мы в образах чайханщика в «Одине», особенно ярко в образе Соро в повести «Ятим»; эта же тема получает трагическое отражение в образе Некадама и его нежной, сострадательной любви к Гульсум («Рабы»). Идея братства людей великолепно передана во многих произведениях С. Айни.

Свойственно С. Айни и изображение *свободной, гордой индивидуальности*. Особенно выделяется в связи с этим образ Гульнор («Дохунда»), нарисованный, можно сказать, возрожденческими красками — это новая женщина Востока.

Но наиболее характерная «грань» — отражение человека-борца, *человека-строителя, разоблачение античеловечности старого строя*.

С. Айни в своем творчестве синтезировал художественный опыт культур Востока и Запада.

В художественной форме это выразилось прежде всего в создании принципиально нового для таджикской литературы жанра — реалистического романа, в чем сказалось влияние именно русской, «западной» литературной школы, переосмысленное в советской действительности и обогащенное методом социалистического реализма.

Вместе с тем в романах С. Айни воплотилась и «восточная» традиция классической прозы, что нашло отражение и в таких внешних чертах, как включение стихотворных строк в прозу, использование приема «сцепленных» новелл и элементов «рамочной» структуры.

Таково формально-художественное проявление синтеза западных и восточных традиций в творчестве С. Айни.

Однако наиболее глубоко этот синтез воплощен С. Айни в художественной концепции человека и в литературных средствах его изображения. «Восточная» традиция романтизации положительных героев, патриархальной чистоты нравов органически сочетаются с «западной» (для С. Айни — русской) традицией психологизма и реалистической изобразительности, сосредоточения внимания на отдельной человеческой личности. При этом у С. Айни, как у советского писателя, эта личность не была индивидуалистически отчужденной. Она всем своим существом связана с коллективом борцов против угнетения — в старом обществе и борцов-строителей новой жизни — в эпоху социализма. Хабиба и мулло Амон в «Воспоминаниях» и Эргаш в «Рабах» — яркие образцы такого «синтетического» изображения характеров. Всем им свойственна общая черта, особенно прославленная в классической литературе Востока, выражающая их сущность: безграничная самоотверженная верность. У Хабибы — верность чистой любви, у мулло Амона — верность высокому идеалу, у Эргаша — верность революции. Избегая гиперболизации, правдиво и вместе с тем поэтично, в духе лучших хафизовских традиций изобразил С. Айни своих героев. И это еще больше оттеняет мастерское изображение, именно в горьковской манере, их внутреннего мира, *диалектики души*.

Глубокое освоение восточного литературного наследия, переосмысленного на основе интернационалистического коммунистического мировоззрения, обогащенного художественным опытом русской культуры, позволило писателю создать выдающиеся произведения социалистического реализма на таджикском и узбекском языках. Эти произведения навсегда вошли в сокровищницу мировой литературы.

Энциклопедическая образованность С. Айни, его необычайная память, хранившая массу фактов, сведений и непосредственных личных впечатлений, великолепное знание старых письменных источников выдвинули его в число крупнейших ученых-гуманитариев Таджикистана. Поразительно широк круг научных интересов Айни — он охватывает самые разнообразные стороны национальной культуры, гуманитарных знаний. С. Айни можно по праву назвать основателем таджикской советской исторической науки, которой он положил начало своими

очерками по истории мангытской династии и истории Бухарской революции. Кстати, многие его повествовательные произведения имеют столь же художественную, сколь и историческую значимость, ибо в них содержится обширный, ценнейший своей фактической достоверностью материал по истории политических, социальных и экономических отношений Средней Азии как дореволюционного, так и послереволюционного периодов. Серьезный вклад в изучение истории народных освободительных движений внес С. Айни художественно-историческими очерками «Герой таджикского народа Тимур-Малик» и «Восстание Муканны», написанными в годы, когда таджики бок о бок с сынами других народов нашей страны боролись за свободу и независимость Советского государства в войне против фашистских захватчиков.

В таджикском языке есть старинное слово «адиб». Его первичное значение гораздо шире, нежели в современном толковании. Это не просто *литератор*, но всесторонне образованный человек, знаток литературы, поэзии, теории словесности, всех тонкостей языка и прежде всего гуманист в первоначально-ренессансном смысле этого слова. Таким адибом был Садриддин Айни. Он превосходно знал классическую литературу и был первым ее исследователем. Составленная им в 1925 году антология «Образцы таджикской литературы» явилась первой обобщающей разработкой истории таджикской литературы со времени ее возникновения. В этой книге С. Айни впервые ввел в обиход целый ряд неизвестных и малоизвестных литературных имен и дал новую концепцию процесса развития литературы. Эта линия нашла свое углубленное продолжение в дальнейших исследованиях С. Айни, посвященных классикам — Рудаки, Абу Али Сине, Фирдоуси, Саади, Бедилу. Первым в науке он открыл значение творчества Восифи. Перу С. Айни принадлежит и крупная монография о родоначальнике узбекской классической поэзии Алишере Навои, цикл статей по истории старейших архитектурных памятников Самарканда, о национальной музыке и знаменитых музыкантах прошлых дней.

В 1951 году, когда открылась Таджикская академия наук, он был избран ее первым президентом. На этом посту он оставался до последних дней своей жизни.

«Как неиссякаемы могучие воды наших горных рек,— сказал об Айни Мирзо Турсун-заде,— так неистощима его энергия, направленная на дальнейшее процветание советской литературы, родного народа — всей нашей социалистической Родины».

Говоря о творчестве С. Айни и о его месте в литературе, всегда вспоминаются также слова чешского журналиста Юлиуса Фучика, сказанные им в Сталинабаде в 1935 году, во время празднования 30-летия литературной деятельности Садриддина Айни:

«Айни — это не только ваш писатель, это и наш писатель. Его книги для нас не только прекрасное искусство, но и наглядное учебное пособие. Эти книги не только отражают прежние страдания и новые достижения советского народа — они сами по себе являются уже живым доказательством этих достижений. И потому они, эти книги, непосредственно помогают нам в нашей борьбе за мировую революцию».

Вечно живой

15 июля 1954 года перестало биться сердце С. Айни. Когда народ провожал его в последний путь, улицы Душанбе были запружены массами людей — жителей города и приехавших представителей городов и кишлаков Таджикистана, всех республик Советского Союза.

Но в последний ли путь провожали писателя? Не вернее ли сказать — в путь вечной жизни и бессмертной славы? Ведь и после его кончины не прекращается публикация его работ, статей, заметок, писем, в которых он встречается с нами, как живой.

Живым словом, злободневным обращением ко Второму Всесоюзному съезду писателей прозвучали со страниц «Правды» (13 декабря 1954 г.) «Литературные заметки» С. Айни, выбранные из его последних высказываний. В них говорится о задачах и характере литературной критики, об искусстве перевода, о бережном отношении к литературному языку, об этике советского писателя. Самое проникновенное слово в этих заметках относится к Максиму Горькому, сильное воздействие которого С. Айни всегда испытывал.

В органе Правления Союза писателей Таджикистана «Шарки сурх» («Красный Восток»), позже «Садои шарк» («Голос Востока»), систематически после кончины С. Айни, из года в год публикуются его неизвестные прежде стихи (газели и мухаммасы), замечания и письма по вопросам литературного мастерства и др. Обнаруживаются и печатаются новые художественные и научные произведения, статьи и заметки. Показательно, что в таджикской литературной декаде 1957 года С. Айни как живой участвовал двумя последними томами своих «Воспоминаний» и своим большим, впервые увидевшим свет, исследованием жизни интереснейшего писателя-сатирика, представителя городских кругов XV—XVI веков, Восифи и кратким изложением его «Удивительных происшествий».

Один из лучших очерков о Максиме Горьком написан устомом С. Айни. Он назвал этот очерк «Вечно живой», выразив этим свою любовь к Горькому и оценку его роли в литературе.

Влияние русской литературы, прежде всего творчества Максима Горького, воспринятое С. Айни в тех чертах и особенностях, которые были органично свойственны его собственному художественному мышлению и манере, ускорило и углубило процесс его идейно-творческой эволюции. Горького С. Айни называл своим учителем, подчеркивая этим не только плодотворное воздействие русской культуры на развитие новой культуры таджикского народа, но и то внутреннее духовное тяготение, которое он испытывал к великому писателю.

И в направлении литературно-общественной деятельности С. Айни — деятельности публициста, наставника молодежи, пропагандиста и хранителя культурных традиций прошлого, — и в его борьбе за чистоту и ясность языка литературы, и в самом его творчестве чувствуется глубокая близость М. Горькому.

Учитывая эту близость, можно сказать и об устеде: вечно живой!

Отмечая его столетие, мы говорим: «Нет, не умер устод, он жив!» Вечно живыми остаются созданные им образы.

Нет, не умер устод, он жив! Убеждают в этом и не прекращающаяся до настоящего времени публикация все новых и новых, не известных ранее его работ, и проходящие с 1957 года конференции — «годовщины Айни».

И самая замечательная особенность этих конференций состоит в том, что они отражают то, как литературоведы изучают и оценивают творчество С. Айни в свете современности.

Нет, не умер устод, он жив! И это бессмертие его еще раз было продемонстрировано на II Всемирном форуме писателей Азии и Африки в Каире, когда среди четырех писателей Востока, признанных учителями собравшихся, было названо и записано имя Садриддина Айни. Значит, устод участвует в современной борьбе за революционную и созидательную роль литературы в жизни Востока, в строительстве социалистического будущего всех народов.

Жив устод! Это стало особенно ясно на торжествах по случаю 100-летия со дня рождения С. Айни в апреле 1978 года. Все выступавшие отмечали современность звучания произведений С. Айни в наши дни, его вклад в развитие советской литературы, мировое значение его творчества. Глубина, народность, высокая идейность пламенного патриота и интернационалиста сделали его имя дорогим и близким для всех братских народов нашей многонациональной Родины, многих народов мира.

Литература на русском языке

Садриддин Айни. Собр. соч. в 6-ти тт. М., «Художественная литература», 1971—1975.

С. Айни. Рабы (серия «Библиотека всемирной литературы», т. 128). М., «Художественная литература», 1975.

Садриддин Айни. Воспоминания (Серия «Литературные памятники»). М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1960.

А. Рахматуллаев. Проза Айни. Душанбе, «Ирфон», 1970.

Джалол Икрами. Мой учитель, моя школа и я сам. Повесть. М., «Детская литература», 1970.

И. С. Брагинский. Проблемы творчества Садриддина Айни. Душанбе, «Ирфон», 1974.

З. Муллоджанова. Стиль, оригинал и перевод (К проблеме изучения прозы С. Айни). Душанбе, «Дониш», 1976.

И. С. Брагинский. Садриддин Айни. Жизнь и творчество. М., «Советский писатель», 1978.

Р. Фиш, Р. Хашим. Глазами совести. Основанное на документах, письмах и воспоминаниях жизнеописание Садриддина Сейид Мурада-ходжи Айни. Душанбе, «Ирфон», 1978.

Содержание

Детство, отрочество и юность

4

Первая зрелость

9

Школа Октября: второе рождение и новая
молодость

15

Подлинная зрелость: путь к совершенству

26

Классическое совершенство

39

Последние годы

47

Подведем итоги изложенному

56

Вечно живой

61

Литература

63

**Мухаммад Сайфиддинович Асимов,
Иосиф Самуилович Брагинский**

САДРИДДИН АЙНИ
(100 лет со дня рождения)

Зав. редакцией *М. Б. Новиков*
Редактор *Н. М. Краснопольская*
Мл. редактор *Л. Ю. Михайлова*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *Л. А. Кирякова*
Корректор *Н. Д. Мелешкина*

И Б № 2046

А04208. Индекс заказа 87006. Сдано в набор 21.03.78 г. Подписано к печати 15.05.78 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,45. Тираж 132 660 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 595. Ордена Трудового Красного Знамени тип. им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.
Цена 11 коп.

11 коп.

Индекс 70069

6/1978

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА